

Принцип конкурентного исключения

"К счастью, при той скорости, с которой растет советская наука, та борьба, которая кажется неизбежной между учеными разных темпераментов и убеждений, необязательно должна вести к тем же проблемам, к которым она ведет в других странах, потому что, благодаря быстрой экспансии науки, для молодого или непонятого ученого всегда существует возможность создать свой собственный институт."

Дж. Бернал, "Социальная функция науки" 1939.¹

В 1934 г. молодой советский эколог Г. Ф. Гаузе опубликовал в США книгу под названием "Борьба за существование", в которой сформулировал "принцип конкурентного исключения". Серия лабораторных экспериментов с различными простейшими убедительно продемонстрировала наличие конкуренции между двумя видами, потребляющими один и тот же пищевой ресурс. Более того, эксперименты показали, что в условиях изоляции и ограниченности ресурсов такая конкуренция ведет к вымиранию одного из видов. Эта закономерность — вытеснение одного вида другим, потребляющим тот же ресурс более эффективно, — и получила название "принцип конкурентного исключения". Принцип Гаузе хорошо описывал распределение близких видов по экологическим нишам биоценозов и стал одним из краеугольных камней эволюционной экологии.

Можно полагать, однако, что "принцип конкурентного исключения" может быть использован в качестве метафорической модели для описания и некоторых явлений в истории науки, поскольку конкуренция за ограниченные ресурсы характерна не только для биоценозов, но и для научных сообществ. В этой статье я попытаюсь охарактеризовать с "экологической" точки зрения один из самых известных эпизодов в истории советской науки — развитие в предвоенные годы так называемой "лысенковщины".² Я буду рассматривать этот эпизод как пример конкурентной борьбы двух

групп — "формальных" генетиков, возглавляемых Н. И. Вавиловым, и "агробиологов", возглавляемых Т. Д. Лысенко, — в специфическом "ценозе" советского государства. Я постараюсь идентифицировать ресурсы этого "ценоза" и принципы их использования конкурирующими группами, а также факторы, определявшие эффективность использования этих ресурсов, а следовательно и результаты конкурентной борьбы в предвоенные годы.

Генетика как советская наука

История генетики является, пожалуй, одной из самых изученных в истории всей советской науки. Библиография отечественных и зарубежных работ по истории советской генетики давно перевалила за сотню и продолжает неуклонно увеличиваться. Такой интерес вызван, главным образом, постигшей советскую генетику катастрофой: почти двадцать лет с 1948 по 1965 классическая "менделевская" генетика была *официально* запрещена и заменена так называемой "мичуринской" биологией или агробиологией, развивавшейся Т. Д. Лысенко.³

Эта катастрофа неизбежно окрасила исторические работы в черно-белые тона: генетики в "белых одеждах" трагически гибли в сражении с "черными" сторонниками Лысенко, поддерживаемыми и направляемыми (в зависимости от вкуса автора конкретной работы) лично Сталиным, Коммунистической партией, советским государством и его репрессивным аппаратом. Нет слов, в истории советской генетики трагических страниц более чем достаточно: аресты и ссылки, расстрелы и лагеря, закрытие институтов и увольнение сотрудников. И многие исследователи занимались почти исключительно "разгромом генетики" — именно так назвал свою недавнюю монографию В. Сойфер. Однако, сводить *всю* историю советской генетики исключительно к ее "разгрому", на мой взгляд, неправомерно и неисторично. До того как генетика была "разгромлена", она была сначала построена.

Создание Дисциплины.

До 1917 г. генетика как дисциплина в России не существовала.⁴ Ю. А. Филипченко и Н. К. Кольцов использовали генетичес-

кий материал в своих курсах экспериментальной зоологии, читавшихся в Петроградском и Московском университетах. Некоторые другие профессора излагали генетические концепции в курсах селекции животных и растений. Однако ни специальных генетических кафедр, ни лабораторий, ни периодических изданий в это время не существовало. Только в конце 1916 г. Кольцову удалось найти богатого патрона для организации Института экспериментальной биологии, в котором он планировал создать специальную генетическую лабораторию.

Хотя большевистская революция ликвидировала частные фонды, которые Кольцов собирался использовать, она в то же время стала главным фактором стремительного роста генетики как дисциплины. Филипченко, Кольцов и молодой селекционер Вавилов нашли поддержку в многочисленных государственных ведомствах, вовлеченных в 1920-е годы в научную политику нового государства, включая Наркомпрос, Наркомзем, Наркомздрав, Академию Наук, и даже Коммунистическую академию, и стали главными строителями новой дисциплины в России. Они и их сотрудники организовывали генетические институты и лаборатории, проводили конференции, создавали специализированные журналы, развивали международные контакты и готовили новое поколение профессиональных генетиков.

Филипченко в 1918 г. организовал первую в России кафедру генетики в Петроградском университете, а два года спустя — специальную генетическую лабораторию в созданном при университете Естественно-научном институте. В 1921 г. он создал под эгидой Академии наук Бюро по евгенике, которое немедленно начало выпускать специальный бюллетень. Кольцов в 1920 г. нашел в Наркомздраве поддержку для своего Института Экспериментальной Биологии и пригласил С. С. Четверикова заведовать Генетическим отделом института.⁵ А год спустя Кольцов организовал Русское евгеническое общество, которое стало немедленно выпускать "Русский евгенический журнал." Вавилов в 1924 г. под эгидой Наркомзема создал Институт Прикладной Ботаники и Новых Культур, в котором Г. Д. Карпеченко возглавил отдел генетики, а Г. А. Левитский — цитологическую лабораторию. В течение 1920-х гг. генетические лаборатории были созданы в университетах,

медицинских и сельскохозяйственных институтах и даже в зоопарках. Курсы генетики были введены в вузовское преподавание, а учебники для них были либо переведены с иностранных языков, либо написаны самими профессорами. В 1929 г. несколько сотен исследователей приняли участие в первой советской генетической конференции, состоявшейся в Ленинграде. Таким образом, в течение первого десятилетия советской власти генетика быстро институтировалась в России как дисциплина.

*Советская наука и ее ресурсы.*⁶

Ряд факторов сыграл важную роль в столь быстром институциональном развитии генетики в Советской России. Одним из главнейших была активная поддержка науки большевиками. Большевики, подобно многим другим политическим партиям начала XX в., как в России, так и зарубежом, и подобно большинству самих российских ученых, были захвачены технократическим идеалом науки как движущей силы человеческого прогресса. Придя к власти, они попытались реализовать этот идеал на одной шестой части суши, оказавшейся под их контролем. После Октябрьской революции наука в России была национализирована и, наряду с промышленностью, сельским хозяйством, образованием и медициной, стала одним из важнейших направлений развития страны. Многочисленные государственные органы, созданные на обломках царских министерств, — наркоматы, Совет Народных Комиссаров (СНК), Всероссийский (ВЦИК) и Всесоюзный (ЦИК) Центральные Исполнительные Комитеты, Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) — начали активно поддерживать существующие и создавать новые научные учреждения, проводившие исследования в соответствующих областях, подведомственных этим органам. В рамках новых государственных структур большевики организовали ряд специальных агентств, финансировавших и контролировавших развитие науки, таких как Отдел научных учреждений СНК, Главная Наука Наркомпроса, Научно-техническое управление ВСНХ, Главный ученый медицинский совет Наркомздрава, Комитет по заведению учеными и учебными заведениями ЦИК.⁷

Развитие науки, однако, не было для большевиков самоцелью: наука должна была играть важную, но вспомогательную роль в по-

строении материально-технической базы того, что их политическая программа называла "первым в мире социалистическим обществом". Такое инструментальное, утилитарное отношение к науке ясно просматривается в документах, формулировавших государственную научную политику в первые годы существования большевистской власти, таких как "Предложения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства", подготовленные в январе 1918 г. Наркомпросом,⁸ или "Набросок плана научно-технических работ", написанный весной того же года В. И. Лениным.⁹

Активная научная политика большевиков оказалась весьма привлекательной для русских ученых, и после короткого замешательства, вызванного жестокостью и видимой анти-интеллигентской направленностью политических акций нового правительства, большинство русских ученых начало с ним сотрудничать. Они использовали финансовую поддержку, щедро раздаваемую большевиками, для оживления старых и создания новых научных институтов, журналов и обществ, проведения многочисленных научных конференций и восстановления прерванных мировой войной зарубежных контактов. Существование целого ряда независимых друг от друга государственных органов, поддерживавших науку, создало известную свободу выбора для ученых, занятых поисками ресурсов для своих институтов: проект, отвергнутый в одном агенстве, скажем, Наркомпросе, мог получить поддержку в другом, к примеру, Наркомздраве. Некоторые ученые ухитрялись получать деньги для своих исследований одновременно из нескольких источников.

В целом, ученые и большевики довольно быстро сумели наладить диалог и установить взаимовыгодные, "симбиотические" отношения: правительство выделяло деньги и иные ресурсы (здания, оборудование, материалы) на развитие науки, а ученые предоставляли правительству свои знания в жизненно-важных вопросах возрождения и организации промышленности, сельского хозяйства, транспорта, медицины и образования. Этот симбиоз науки и государства, или, точнее, научного сообщества и аппарата, контролировавшего научную политику нового государства, и стал главным фактором, определявшим темпы и направления развития науки в Советской России.

Диалог ученых и политиков, однако, был непростым. Интересы обеих групп, хотя и сходились в главном — развитии науки, существенно различались в деталях — как и какую науку развивать.

Первая проблема — *кому и с кем говорить* — была на первых порах достаточно проста. Для большевиков партнерами по диалогу стали ученые с установившейся международной репутацией, занимавшие ключевые позиции в русском научном сообществе: нобелевский лауреат И. П. Павлов, непрменный секретарь Академии Наук С. Ф. Ольденбург, президент Военно-Медицинской Академии В. Н. Тонков. Для ученых партнерами стали главы государственных органов, ведавших наукой, или их доверенные лица: председатель СНК Ленин и его секретарь Н. П. Горбунов, глава Наркомпроса А. В. Луначарский, глава Наркомздрава Н. А. Семашко. Важную роль посредника в установлении и расширении контактов между учеными и большевиками в это время сыграл Максим Горький, организовавший в первые годы после революции Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦКУБУ). В результате взаимной активности на протяжении 1920-х гг. лидеры обеих групп установили тесные личные контакты, ставшие основой дисциплинарного развития русской науки: немногочисленные ученые, имевшие доступ к большевистской верхушке, получили возможность активно влиять на конкретные решения в области научной политики (например, создание того или иного института), а большевистское руководство получило возможность влиять на научное сообщество в целом через посредство его лидеров.

Второй проблемой было — *какую науку развивать*. Большевики собирались строить новое пролетарское государство и новое коммунистическое общество, и некоторые из их теоретиков утверждали, что и наука в таком обществе тоже должна быть особой — пролетарской и коммунистической. Они призывали к уничтожению старой "буржуазной" науки и ее учреждений и выдвигали многочисленные проекты создания новой "пролетарской", "коммунистической" науки. Лидеры большевиков не спешили с уничтожением "буржуазной" науки, но некоторые из проектов создания "коммунистической" науки были реализованы. В 1918 г. была создана Социалистическая Акаде-

мия, переименованная в 1922 г. в Коммунистическую. Одновременно был создан целый ряд "коммунистических" вузов, типа Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова или Института Красной Профессуры, готовивших новые "пролетарские" научные кадры.¹⁰ Таким образом, на протяжении 20-х гг. большевики подерживали и "буржуазную" и "коммунистическую" науки.

На первых порах новая "коммунистическая" наука была слишком слаба, чтобы заменить собой старую "буржуазную" науку. Тем не менее, она подготовила альтернативную модель организации научной деятельности и научных учреждений, скопировав в своей внутренней структуре и системе взаимоотношений структуру и "культуру" самой большевистской партии. В отличие от "буржуазной" Академии наук, управлявшейся общим собранием ее членов и не имевшей ни желания, ни возможности диктовать своим сотрудникам, чем и как им заниматься, Комакадемия управлялась Президиумом, состоящим из нескольких высокопоставленных членов-основателей и насаждавшим "партийную дисциплину" среди сотрудников академии.

Следующей проблемой диалога ученых и политиков было — *о чем и как говорить*. Ученым было необходимо "перевести" их достаточно эзотеричные интересы в специальных отраслях науки на язык, доступный и понятный их патронам, и найти соответствующие обоснования необходимости финансирования и поддержки конкретных исследований. Большевикам же необходимо было "перевести" их собственные политические, идеологические и социальные цели в язык научных исследований. Необходимо было договориться о том, какие научные учреждения создавать и как ими управлять, определить приоритетные направления и конкретные формы исследований, найти способы их использования.

Одной из лексических основ такого общего языка, одинаково понятного и ученым, и государственным деятелям, стало убеждение в *практичности* науки, в равной мере разделявшееся и учеными и большевиками. И те, и другие постоянно говорили о практическом использовании результатов научных исследований.

Другой лексической основой диалога стала основная идеологическая концепция большевиков — диалектический материализм. И ученые, и большевики ратовали за "материалистичес-

кую" науку. Большевики при этом однозначно продемонстрировали, что "идеалистическая" наука им не нужна: осенью 1922 г. несколько сотен "идеалистов" было выслано из страны.

Еще одной основой диалога ученых и большевиков стало международное сотрудничество. Одной из главных целей внешней политики большевиков был прорыв международной изоляции, в которой оказалась Россия после революции. Ученые, со своей стороны, были заинтересованы в восстановлении международных научных связей, прерванных мировой войной, революцией и последовавшей за ней гражданской войной.

И ученые, и большевики активно использовали интересы партнера для достижения своих собственных целей. Используя риторику "практичности" и "материалистичности" русские ученые обосновывали жизненную необходимость своих научных исследований и одновременно демонстрировали идеологическую лояльность новой власти. Они активно эксплуатировали авторитет международного сообщества для выполнения собственных планов и достижения собственных целей. Более того, они начали осваивать не только риторику, но и специфический "этикет" большевиков, определивший "воинствующий" стиль научной критики и полемики, равно как и целый ряд "партийных ритуалов", таких как, к примеру, "самокритика", ставших неотъемлемой частью поведенческого репертуара научного сообщества.¹¹

В быстрой институционализации генетики все перечисленные факторы сыграли свою роль. Три лидера— Кольцов, Филипченко и Вавилов—установили тесные связи с основными патронами советской науки: глава Наркомпроса, Луначарский, и глава Наркомздрава, Семашко, стали членами Русского евгенического общества, основанного Кольцовым; организации вавиловского Института прикладной ботаники способствовал сам Ленин, а Горбунов возглавил его Ученый Совет; Филипченко работал в ПетроКУБУ в тесном контакте с Горьким. Подобно многим другим ученым, генетики активно использовали принятую риторику для легитимизации своих исследований в глазах государственных чиновников.¹² Они боролись за "марксистскую" и "материалистическую" генетику против "буржуазных" и "расистских извращений".¹³ Они сражались против ламаркизма и за дарвинизм.¹⁴ Они обещали своим

патронам, что открытия в области генетики приведут к грандиозным практическим результатам в медицине, сельском хозяйстве и даже в самом создании нового социалистического общества.¹⁵

Особую роль в быстрой институционализации генетики в России сыграли международные контакты. Три основателя русской генетики были хорошо знакомы с развитием генетики в Германии, Великобритании и Соединенных Штатах и поддерживали тесные связи с зарубежными коллегами. Во время гражданской войны зарубежные ученые помогали русским коллегам, посылая им деньги, книги и журналы. Благодаря этому, русские генетики познакомились с поразительными успехами школы Т. Моргана в области генетики дрозофилы. В 1922 г. один из членов этой школы, Г. Меллер, посетил Россию и передал русским коллегам коллекцию штаммов дрозофилы. Возможно, в благодарность за эту помощь, в 1923 г. ведущие зарубежные генетики В. Бэтсон и Т. Морган, а год спустя Г. Харди, Г. Дженнингс, В. Иогансен, и Г. де Фриз, были избраны иностранными членами Академии Наук.¹⁶ В 20-х гг. молодые русские генетики, включая Н. В. Тимофеева-Ресовского и Ф. Г. Добржанского, поехали работать в ведущие генетические лаборатории Германии и США. А в 1927 г. русская делегация была второй по размеру и произвела своими докладами настоящий фурор на пятом Международном генетическом конгрессе в Берлине.

Таким образом, на протяжении первого десятилетия большевистской власти генетики с успехом использовали все доступные политические, идеологические и культурные ресурсы нового режима для легитимизации и институционализации своих научных интересов, развернув разветвленную сеть специализированных учреждений, журналов и обществ.

От Великого Перелома до Большого Террора

1929 год обозначил драматический рубеж — "Великий Перелом", как его назвал Сталин — во всех областях жизни страны: большевики начали реализацию грандиозного плана ускоренной индустриализации промышленности и насильственной коллективизации сельского хозяйства для "построения материально-технической основы социализма" в России. Они взяли курс на централизацию и планирование экономики и создали огромный бюрократический аппа-

рат, включавший и репрессивные органы (ОГПУ-НКВД), который стал основным инструментом проведения новой политики. На протяжении первой половины 1930-х гг. роль партаппарата и его контроль над деятельностью наркоматов и иных государственных органов неуклонно повышались. Этой цели служили непрерывные чистки гос- и партаппарата, а также показательные процессы (Шахтинское дело, дело Промпартии и др.) над "вредителями", в роли которых выступали, как правило, "буржуазные" специалисты.

Наука также не избежала влияния этого коренного поворота государственной политики: она была мобилизована "на службу социалистическому строительству". Система научных учреждений была централизована. Академия наук СССР была "коммунизирована" и стала центральным учреждением, объединившим основные исследовательские институты, ведущие фундаментальные исследования.¹⁷ Как изначально "коммунизированные" учреждения были созданы Всесоюзная Академия Сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) (1929) и Всесоюзный Институт экспериментальной медицины им. М. Горького (ВИЭМ) (1932), объединившие соответственно сельскохозяйственные и медицинские исследовательские институты.¹⁸ Альтернативная модель организации и "культуры" науки, подготовленная в течение предшествующего десятилетия в недрах "коммунистической" науки, была внедрена во всей системе советских научных учреждений: в 1936 г. Академия наук и Комакадемия были объединены.

Как и во всех остальных сферах жизни страны, в науке большевики создали централизованный комплекс учреждений и специальный бюрократический аппарат, жестко контролировавший структуру, кадры, коммуникации и направления исследований советской науки. Одним из средств такого контроля стало усиленно насаждавшееся планирование науки. Возрастание роли партии в научной политике было четко зафиксировано в создании специальных *партийных* органов, контролировавших науку. В 1930 г. в ЦК был создан сектор науки и культуры. Год спустя был создан отдельный сектор науки, а в 1935 г. — специальный Отдел науки, научных и технических изобретений и открытий, возглавлявшийся членом ЦК К. Бауманом.¹⁹ Особую роль в аппарате конт-

роля над наукой играла система *номенклатуры* научных должностей.²⁰ Одновременно, многочисленные созданные в предшествующее десятилетие *государственные* органы управления наукой были либо ликвидированы, либо превратились в простых посредников между партийными агентствами и научными учреждениями.

К концу 30-х гг. сталинская система организации науки — централизованное, иерархизованное, политизированное научное сообщество и столь же централизованный, иерархический аппарат, жестко контролировавший структуру, кадры, коммуникации и направления исследований этого сообщества — приобрела законченную форму.

Великий Перелом.

Хотя Великий Перелом имел ряд негативных последствий для отдельных генетиков,²¹ в целом он оказал весьма благотворное влияние на развитие генетики как дисциплины. Несмотря на удаление Семашко и Луначарского с их постов и ликвидацию Русского евгенического общества (1930), генетические институты продолжали процветать под эгидой и Наркомздрава, и Наркомпроса. В 1930 г. маленькая лаборатория генетики человека в Медико-биологическом институте Наркомздрава была значительно расширена, а в 1935 г. превращена в специальный Медико-генетический Институт, руководимый С. Левитом.²² В начале 1930-х гг. кафедры и лаборатории генетики были организованы в Московском (под руководством А. С. Серебровского) и Ленинградском (под руководством Г. Д. Карпеченко и А. П. Владимирского) университетах. Генетика продолжала развиваться и в Академии наук. После смерти Филипченко в 1930, Вавилов унаследовал его Бюро по евгенике и генетике, которое три года спустя превратил в Институт генетики, где многие ученики Филипченко продолжали свои исследования.

Великий Перелом особенно ускорил развитие генетики в сельскохозяйственных учреждениях. Вавилов, ставший президентом ВАСХНИЛ, считал генетику одной из ключевых дисциплин в развитии сельского хозяйства и активно способствовал ее дальнейшему развитию под эгидой сельхозакадемии. На базе Института прикладной ботаники он создал гигантский Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), в котором семена различных

культурных и диких растений, собранные по всему миру, использовались для выведения новых сортов растений. Он содействовал созданию в 1931 г. Всесоюзного Института Животноводства (ВИЖ), в котором Серебровский возглавил отдел генетики. Вавилов также активно способствовал внедрению преподавания генетики в программы сельскохозяйственных вузов. Благодаря его усилиям, в начале 1930-х гг. сельскохозяйственные учреждения стали бастионом советской генетики.

Политика жесткой централизации всего и вся, начавшаяся во время "Великого перелома", нашла свое воплощение в советской науке не только в создании централизованных академий и "головных" институтов (типа ВИЭМ) — административная власть в отдельных дисциплинах была сконцентрирована в руках немногочисленных исследователей-администраторов, представлявших интересы своих дисциплин в гос- и партаппарате. В генетике такой центральной фигурой стал Вавилов. В 1929 г. он был президентом ВАСХНИЛ, членом ЦИК и коллегии Наркомзема. Другие генетики, также как и на протяжении предыдущего десятилетия, культивировали своих собственных патронов. Кольцов установил "рабочие контакты" с новыми наркомаами здравоохранения, М. Ф. Владимирским, а позднее, Г. Н. Каминским, и поддерживал тесные связи с М. Горьким, который в 1933-34 гг. спас кольцовский ИЭБ от поглощения ВИЭМом.²³ С. Г. Левит установил тесные контакты с Каминским и активно способствовал внедрению генетики в медицинские вузы. И. И. Агол занял ответственный пост в аппарате Наркомпроса.

Когда планирование науки стало обязательным, генетики одними из первых провели в 1932 г. огромную, хорошо разрекламированную конференцию "О планировании селекционно-генетических работ". На этой конференции, под видом "улучшения планирования и организации" генетических исследований, они разрабатывали планы дальнейшей институциональной и кадровой экспансии их дисциплины.²⁴

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. советские генетики также укрепили и расширили свои международные связи. Вавилов во время своих зарубежных экспедиций установил контакты со всеми ведущими генетиками мира и вошел в состав Международного комитета по организации генетических конгрессов. Целый

ряд молодых генетиков, включая Левита, Агола, Карпеченко и Р. А. Жебрака, получили стипендии Рокфеллеровского фонда для стажировки в американских генетических лабораториях. В 1932 г. Академия наук избрала генетиков Т. Моргана, Н. Нильсона-Элле, С. фон Чермака и Г. де Фриза почетными членами.²⁵ Зимой 1932-33 гг. известный американский генетик К. Бриджес провел шесть месяцев в вавиловской лаборатории генетики при Академии наук. В 1933 г. другой американский генетик, Г. Меллер, приехал в СССР и начал работать в вавиловской лаборатории, которая была в это же время превращена в Институт генетики. В том же году болгарский генетик Д. Костов начал работать в этом Институте. А в августе 1935 г. Политбюро утвердило план проведения в Москве в 1937 г. 7-го Международного генетического конгресса.²⁶

Генетики, таким образом, быстро адаптировались к новым направлениям государственной научной политики. Казалось, будущее процветание советской генетики было обеспечено.

В конце того же 1935 г., однако, советские генетики получили первое знамение наступающих "тяжелых времен" — Вавилов был смещен с должности президента ВАСХНИЛ. Год спустя они получили второе знамение — в ноябре 1936 г. Политбюро изменило свое собственное решение и отменило проведение запланированного на лето следующего года 7-го Международного генетического конгресса в Москве. Что же произошло?

Агробиология против генетики.

В начале 30-х гг. группа исследователей, лидером которой стал Т. Лысенко, начала захватывать контроль над сельскохозяйственными учреждениями. Взлет Лысенко по ступеням научной иерархии, хотя и был поддержан рядом ученых-сельскохозяйственников, был обеспечен, в первую очередь, кадровой политикой большевиков в научных учреждениях, принятой во время Великого Перелома, — выдвигенчеством.²⁷ В феврале 1931 г. СНК РСФСР прямо предписывал: "более решительно выдвигать на руководящую работу в научно-исследовательские учреждения молодые кадры научных работников, поставив задачей орабочивание состава научно-исследовательских учреждений и борьбу с классово и идеологически чуждыми элементами среди сотрудников научных учреждений".²⁸

Биография Лысенко отлично вписывалась в идеал "советского ученого": он был молод, родился 1898 г. в крестьянской семье, получил образование при советской власти и не имел никаких связей с "буржуазным" научным сообществом. Его работы были исключительно "практическими": в начале 30-х гг. пресса широко рекламировала не его научные идеи, а его практические агротехнические изобретения, главным образом, яровизацию. Шумная кампания в прессе набирала скорость параллельно с ростом институционального влияния Лысенко в сельскохозяйственной науке. В 1932 г. Лысенко получил собственный журнал "Бюллетень яровизации"²⁹, ставший рупором его единомышленников. Два года спустя он был назначен научным руководителем Одесского Генетико-селекционного института и был "избран" членом Украинской Академии наук. В конце 1935 г., когда замнаркома земледелия А. И. Муралов заменил Вавилова на посту президента ВАСХНИЛ, Лысенко и ряд его союзников стали членами этой академии. А через несколько месяцев, весной 1936 г., Лысенко стал директором Одесского Генетико-селекционного института, сменив на этом посту вавиловского сторонника цитолога А. А. Сапегина.

Лысенко выступил с доктриной (позже названной "агробиология"), которая была широко разрекламирована как научная основа нового колхозного сельского хозяйства. В 1934 г. профессиональный марксист И. И. Презент присоединился к лысенковской команде и нарядил доктрину Лысенко в "марксистские одежды". Вскоре после формирования этого союза Лысенко начал открытую полемику с лидерами сельскохозяйственной науки на страницах специальной и партийной печати. Лысенковская агробиология, построенная на смеси различных концепций, заимствованных из физиологии растений, цитологии, генетики и эволюционного учения, вызвала серьезную критику ряда специалистов.

Полемика вокруг лысенковской доктрины привела к публичной дискуссии о "спорных вопросах генетики", которая была инициирована президиумом ВАСХНИЛ летом 1936 г.³⁰ В это время генетика считалась научной основой "социалистической реконструкции сельского хозяйства", и ВАСХНИЛ была ее крепостью. Оба вице-президента академии, Н. И. Вавилов и М. М. Завадовский, были известны своими генетическими исследованиями. Два

ведущих генетика, Н. К. Кольцов и А. С. Серебровский, были членами академии. Целый ряд других членов академии, работавших в области селекции растений, включая Н. Н. Лисицына и П. Н. Константинова, также активно поддерживали менделевскую генетику. Дискуссия о "спорных вопросах генетики", таким образом, была отражением борьбы лысенковской команды и прогенетически настроенных ученых-сельскохозяйственников за контроль над академией и ее институтами. Президиум ВАСХНИЛ чрезвычайно быстро скомпоновал специальный том, озаглавленный "Сборник работ по дискуссионным вопросам генетики и селекции" и содержащий полемические статьи сторонников и противников Лысенко. Этот том был распространен в качестве предварительного материала во время дискуссии, состоявшейся в декабре 1936 г.³¹

Четвертая Сессия ВАСХНИЛ, проходившая с 19 по 26 декабря 1936 г., была целиком посвящена дискуссии. Председательствовал Муралов. Генетика была представлена Вавиловым, Кольцовым, Серебровским, Завадовским, Меллером, Левитским, Карпеченко и целым рядом их учеников и сотрудников. Агробиология была представлена Лысенко, Презентом и группой сотрудников Одесского института. Несколько других исследователей, включая некоторых молодых сотрудников ВИРа и ВИЖа, также выступили в поддержку Лысенко.

Хотя главным содержанием дискуссии была теория наследственности, по своей форме эта дискуссия явила образец нового советского стиля научной полемики, возникшего в учреждениях "коммунистической" науки и широко распространившегося после Великого перелома: большая часть дискуссии была посвящена не научным, а политическим, идеологическим и практическим аспектам генетики и агробиологии. Даже ярлык, использованный лысенковцами для генетики и генетиков — *формальная* генетика и *формальные* генетики — содержал прозрачный намек на один из жупелов советской политической риторики — формализм, заклеенный как полная противоположность таким атрибутам советской науки как практичность и материалистичность. Более того, критика была нацелена в основном не на идеи, а на личности. Вполне в духе текущей политической ситуации лысенковцы обвиняли Кольцова и Серебровского в "симпатиях к фашизму". Они спеку-

лировали на связях между генетикой и евгеникой (широко использовавшимися для легитимизации генетики на ранних этапах ее становления как дисциплины), и между евгеникой и нацистской концепцией "высшей расы" для того, чтобы представить генетику "фашистской наукой".³² Они атаковали Вавилова, обвиняя его раннюю работу "Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости" в антидарвинизме. Они критиковали генетиков за "чисто теоретические" исследования и отрыв "от практики сельского хозяйства". Генетики, в свою очередь, обвиняли Лысенко и его сторонников в ламаркизме. И генетики, и лысенковцы обвиняли друг друга в "антимарксистском" подходе к вопросам наследственности и использовали весь доступный арсенал "кочующих цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма".³³

Участники дискуссии также исполнили все предписанные ритуалы советской науки: они обсуждали злободневные политические вопросы, выразив свое "возмущение варварскими действиями фашистов в Испании"; каялись в ошибках, совершенных в предыдущих выступлениях и публикациях³⁴; и посылали "приветствия" всем своим патронам в гос- и партаппарате—главе Сельхозотдела ЦК Я. А. Яковлеву, главе Отдела науки ЦК К. Бауману, наркому земледелия М. Чернову, наркому совхозов М. И. Калмановичу, и, конечно, "великому вождю и учителю"—И. В. Сталину.³⁵

Судя по непосредственным результатам дискуссии, победу на ней одержали генетики. Резолюция, принятая президиумом ВАСХНИЛ, предписывала развернуть экспериментальную работу в области "спорных вопросов генетики" и выделила дополнительные ресурсы для генетических исследований.³⁶ Материалы дискуссии были быстро опубликованы в виде отдельного тома.³⁷ Об укреплении позиций генетиков также свидетельствовал тот факт, что им удалось убедить Политбюро пересмотреть решение, отменяющее международный генетический конгресс. В марте 1937 г. Политбюро согласилось на проведение конгресса в Москве летом 1938 г.³⁸ Генетики, казалось, сумели преодолеть "полосу невезений" и выправить свое положение. Несколько месяцев спустя "Большой Террор" подорвал укрепившиеся было позиции генетики и генетиков.

Большой Террор.

Большой Террор оказал огромное воздействие на всю систему советской науки: он нарушил взаимодействие между ее "симбионтами": лидерами научного сообщества и их партнерами в гос- и партаппарате. Террор с особой силой ударил как раз по высшему и среднему звену чиновной бюрократии, нарушив нормальное функционирование системы. Террор привел к внезапным изменениям в составе руководящих кадров практически всех наркоматов и отделов ЦК. Более того, целый ряд научных администраторов, особенно пришедших в науку с различных государственных и партийных постов во время "коммунизации" научного сообщества, были уничтожены.³⁹

Большой Террор оказался особенно разрушительным в генетике, поскольку ряд генетиков-администраторов и практически *все* их партнеры в аппарате погибли. Адресаты ритуальных приветствий, посланных 4-й сессией ВАСХНИЛ, обсуждавшей "спорные вопросы генетики"—Яковлев, Бауман, Чернов, Калманович—*все* были арестованы и расстреляны в 1937 г.⁴⁰ Та же судьба постигла наркома здравоохранения Г. Н. Каминского и наркома просвещения А. С. Бубнова, активно поддерживавших развитие генетики под эгидой своих наркоматов.⁴¹ Непременный секретарь АН СССР, Н. П. Горбунов, входивший в состав Оргкомитета международного генетического конгресса, был расстрелян.⁴² Были расстреляны генетики-администраторы, члены ВКП(б) Агол и Левит.

Террор не только привел к аресту ряда генетиков, он также существенно подорвал институциональную базу генетики. С арестом Левита в 1937 г. Медико-генетический институт Наркомздрава был расформирован. Несколько месяцев спустя (возможно, как следствие ареста Каминского) кольцовский ИЭБ был переведен в подчинение Академии наук, и генетика потеряла Наркомздрав как источник институциональной поддержки. В то же время, террор открыл Лысенко возможность для захвата сельскохозяйственных учреждений. Аресты президента ВАСХНИЛ Муралова, а несколько месяцев спустя, его преемника Г. Г. Мейстера, привели в феврале 1938 г. к назначению Лысенко президентом, а его сторонника Н. В. Цицина вице-президентом.⁴³ Это позволило лысенковской

команде захватить полный контроль над сельскохозяйственными институтами. Генетики сохранили под своим контролем лишь ВИР, руководимый Вавиловым. Несмотря на свое президентство, Лысенко не мог сместить Вавилова с поста директора ВИРа—пост директора института находился в номенклатуре Секретариата ЦК, и без согласия последнего президент академии был не вправе снять директора, утвержденного на этом посту решением Секретариата. Тем не менее, Лысенко делал все возможное, чтобы уменьшить влияние ВИРа и Вавилова на провинциальные сельскохозяйственные научные учреждения. В этой ситуации генетика и генетики были вынуждены "мигрировать" в учреждения, которые не входили в систему сельхознауки, и, следовательно, в сферу административной власти Лысенко. Они нашли прибежище, главным образом, в АН СССР и различных университетах.⁴⁴

В 1938 г. главной институциональной базой генетики стала Академия Наук. Два института—вавилонский Институт генетики и кольцовский ИЭБ—стали ее оплотом. Понятно, однако, что нестабильность и перетряска административного аппарата в ходе террора не могли миновать центральное учреждение советской науки: целый ряд академиков и членов аппарата АН были арестованы.⁴⁵ Более того, в мае 1938 г., после обсуждения плана академии на текущий год на заседании СНК, правительство приняло решение полностью реорганизовать академию—увеличить число отделений и академиков и "укрепить академию молодыми научными силами".⁴⁶

Лысенко искусно использовал свое административное положение и ситуацию нестабильности в аппарате, чтобы подорвать позиции своих оставшихся конкурентов. Как член Верховного Совета⁴⁷ и президент ВАСХНИЛ, Лысенко участвовал в том самом заседании СНК в мае 1938 г., на котором обсуждался план работ Академии наук. Предложенный план, в частности в сфере генетики и геологии, вызвал серьезное недовольство правительства.⁴⁸ В результате заседания СНК, президиум академии создал специальную комиссию, возглавлявшуюся сторонником Лысенко академиком Б. А. Келлером, для обследования работ вавилонского Института Генетики. Специальное заседание президиума по обсуждению выводов комиссии жестко раскритиковало работу Вавилова

и его сотрудников и пригласило Лысенко для работы в институте.⁴⁹ Лысенко организовал в институте лабораторию, набрав в нее своих сотрудников из Одессы.

План реорганизации академии, принятый СНК, также включал выборы новых академиков, которые были запланированы на начало 1939 г. В предвыборной кампании лысенковская команда была представлена самим Лысенко и его замом по ВАСХНИЛ, Цициным. Их естественными конкурентами на места академиков по создаваемому Биологическому отделению были два других члена ВАСХНИЛ: бывший вице-президент Завадовский и чл.-корр. АН с 1915 г. Кольцов. Ни тот, ни другой избраны не были. За несколько дней до выборов "Правда" опубликовала статью, подписанную сторонниками Лысенко (среди них академиками Б. А. Келлером и А. Н. Бахом) и озаглавленную "Лже-ученым не место в Академии Наук".⁵⁰ Статья повторяла уже звучавшие в 1936 г. обвинения Кольцова в "симпатиях к фашизму". Лысенко и Цицин были "избраны" в академию, и Лысенко был назначен членом ее президиума.⁵¹

Сразу же после выборов лысенковцы начали атаку против кольцовского ИЭБа. Президиум академии опять организовал для проверки института специальную комиссию, возглавленную на этот раз другим сторонником Лысенко академиком Бахом. В действительности "проверка" осуществлялась главным идеологом лысенковской команды — Презентом. Именно его рекомендации легли в основу решения президиума, в соответствии с которым Кольцов был смещен с поста директора.⁵²

В то же время лысенковцы продолжали атаку на последний оплот генетиков в ВАСХНИЛ—ВИР. Они также развернули бурную кампанию по изменению курсов генетики в вузах. В начале 1939 г. борьба между генетиками и лысенковцами разворачивалась главным образом в различных наркоматах и других государственных ведомствах, где лысенковцы вели упорную атаку против генетики, а их оппоненты отстаивали свои позиции.⁵³

Параллельно с атакой на генетические институты лысенковцы искусно использовали прессу для создания атмосферы подозрительности вокруг генетики. Один из генетиков, А. А. Малиновский, сообщал в мае 1939 г. недавно назначенному на этот пост вице-президенту АН О. Ю. Шмидту:

В последнее время создались трудные условия для работы в генетической науке и селекции. Это положение сложилось благодаря широкой кампании, развернувшейся в прессе на почве выступлений против генетики со стороны акад. Лысенко. /... / Известность акад. Лысенко и его политический авторитет придали большой вес этой кампании. В результате создается мнение, что заниматься генетикой — позорное и почти антисоветское дело. Многие, в том числе ответственные работники, начинают думать, что бороться с генетикой есть задача каждого советского человека. Большинство редакций отказывается публиковать даже чисто практические достижения генетиков, отдельные администраторы применяют к генетике всяческие меры давления и, наконец, имеют место мероприятия с целью ликвидировать или лишить значения теоретические лаборатории.⁵⁴

Статьи, широко публиковавшиеся лысенковцами в газетах и журналах, главным образом, сельскохозяйственных, были одним из основных элементов в формировании такого "общественного" мнения. Жалоба Серебровского, адресованная тому же Шмидту, хотя и явно преувеличенная, весьма показательна в этом отношении: "... к сожалению и глубокой нашей, советских генетиков, трагедии, мы за последние годы совершенно лишены поддержки широкой партийной и советской прессы".⁵⁵ В ситуации постоянной неопределенности, созданной террором в верхних эшелонах бюрократии, ее нижние слои, повидимому, воспринимали антигенетические публикации в прессе как "инструкции сверху". Официальный статус Лысенко, предоставивший ему тесные связи с наивысшим слоем государственного и партийного аппарата, очевидно, немало способствовал такому восприятию. Весной 1939 г. Лысенко был президентом ВАСХНИЛ, то есть высшим официальным представителем сельскохозяйственной науки; он был членом АН СССР и ее президиума. Более того, он был членом Верховного Совета СССР и зампреда одной из его палат — Совета Союзов. Как отмечали генетики, он имел все возможности для использования своих постов для проталкивания антигенетических публикаций в прессе, особенно сельскохозяйственной.

К весне 1939 г. Лысенко значительно укрепил свои позиции, а генетики многое потеряли. Большой Террор способствовал успеху Лысен-

ко, но не потому, что террор был *специально направлен против генетики* и генетиков, а потому, что, как мы видели, в результате террора генетики потеряли исследователей, институты, администраторов и своих партнеров и сторонников в правящей элите. Более того, вызванные террором постоянные перетасовки верхнего эшелона бюрократии и столь же постоянная угроза ареста помешали и выжившим лидерам генетиков, и новым чиновникам, пришедшим на освобожденные места в аппарате, восстановить разрушенные контакты. Во время Большого террора советская наука в целом и каждый из ее симбионтов—и научное сообщество, и контролирующий науку аппарат—переживали двухлетнюю "перемежающуюся лихорадку".

"Выздоровление". Год 1939-й

В марте 1939 г. 18-й съезд ВКП(б) обозначил конец "Большого Террора". В своем докладе на съезде Сталин объявил, что основа социализма в стране построена и что СССР вступил во вторую фазу своего развития: окончательное построение социализма. Главной целью партии на этом этапе стало укрепление "морально-политического единства" советского народа. Съезд подверг "критике" тотальные чистки и административный диктат "отдельных" партийных и государственных чиновников. Новая политика нашла свое отражение и в реорганизации аппарата ЦК. Практически все специализированные отделы ЦК были объединены в два главных управления: управление агитации и пропаганды (Агитпроп), возглавлявшееся секретарем ЦК А. А. Ждановым, и управление кадров, возглавлявшееся другим секретарем, Г. М. Маленковым.

Съезд оказал "умиротворяющее" влияние на советскую науку: он сигнализировал окончание кадровых перетрясок и неопределенности в отношениях между лидерами научного сообщества и высшими чинами партаппарата. Съезд отчетливо показал, что главным патроном науки стал ЦК и его органы—Секретариат, Оргбюро и Политбюро, возглавлявшиеся Сталиным. Научная политика попала под юрисдикцию Агитпропа. Главной целью этого управления была, как это следовало из его названия, пропаганда марксизма-ленинизма-сталинизма. Оно было укомплектовано

выпускниками Институты красной профессуры и бывшими сотрудниками Комакадемии, особенно ее философского отделения. Партийные боссы объявили философию "наукой наук", подразумевая, что философы-марксисты являются лучшими экспертами в конкретных научных исследованиях. В своем докладе съезду Сталин подчеркнул ведущую научную роль марксистской философии:

Нет необходимости, чтобы специалист медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике и наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, - марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем в математику, ботанику или химию, и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом в облюбованной им отрасли знания...⁵⁶

Новый акцент на марксизме, ставший очевидным с публикацией в сентябре 1938 г. знаменитого "Краткого Курса Истории ВКП(б)", получил конкретное институциональное выражение для советской науки. Хотя марксистская философия приобрела некоторые черты научной дисциплины практически сразу после революции, только в октябре 1938 г. она была институционализована как одно из ведущих направлений в центральном учреждении советской науки — именно в это время было создано Отделение философии и истории Академии наук.⁵⁷ На выборах в январе 1939 г. целый ряд партийных функционеров был "избран" в академию, в частности, философы М. Б. Митин и П. Ф. Юдин, и сталинский прокурор А. Я. Вышинский. Право философов участвовать в определении научной политики, таким образом, было закреплено и институционально, и идеологически.

18-й съезд партии, по-видимому, вдохновил генетиков на новую попытку укрепления их позиций. Неудивительно, что теперь такая попытка была предпринята в самом крупном из оставшихся бастионов генетики — АН СССР. Еще летом 1938 г., после критики

плана академии в области генетики, ее президиум решил организовать новую дискуссию о "спорных вопросах генетики." Однако реорганизация академии и последовавшие выборы затормозили выполнение этого решения. Но спустя неделю после съезда, в марте 1939 г., Общее собрание академии снова вернулось к этому вопросу и решило, что "в 1939 г. Биологическое отделение проведет дискуссию по основным спорным генетическим вопросам на основе обсуждения итогов и планов работ Генетико-селекционного института".⁵⁸ Вскоре после этого вице-президент академии О. Ю. Шмидт начал подготовку к дискуссии. Шмидт провел консультации со всеми генетиками, работавшими в системе академии, в частности Серебровским и Левитским, и собрал внушительное досье с материалами против лысенковской команды. Серебровский даже написал проект резолюции "О генетической дискуссии", которая должна была быть принята на будущем заседании.⁵⁹ Он также подготовил для Шмидта тридцатистраничный "Краткий обзор практического применения генетики". Генетики полагали, что "авторитетное освещение нынешней ситуации в «генетике» Академией Наук может привести к решительному укреплению биологического и сельскохозяйственного фронта".⁶⁰

Генетики рассчитывали укрепить свои позиции, как им это удалось на дискуссии 1936 г. В частности, они настаивали на новой "публичной дискуссии"—очевидно, с целью нейтрализовать главный инструмент Лысенко—антигенетическую кампанию в прессе. "Публичная дискуссия" была испытанным средством для объявления и оправдания новых направлений в партийной политике и была заимствована научным сообществом в конце 1920-х гг. В соответствии с принципами советской "научной культуры" материалы таких дискуссий широко публиковались прессой, и генетики, по-видимому, считали публичную дискуссию подходящим инструментом для изменения негативного "общественного мнения" и для демонстрации того, что административное преследование генетики и генетиков *не было* официальной политикой партии. Генетики таким образом пытались обеспечить содействие нижнего слоя чиновников, напуганных лысенковской кампанией, в восстановлении институциональной базы генетики. В этой ситуации генетики рассматривали предстоящую дискуссию как подходящее

средство для того, чтобы развеять, говоря вавилонскими словами, "нездоровую атмосферу" вокруг генетики.

Ленинградское письмо.

Как того и следовало ожидать, важным инструментом борьбы за поддержку и расширение генетических исследований были петиции ученых, адресованные главному патрону советской науки — ЦК ВКП(б).⁶¹ Одна из таких петиций оказалась решающей.

В июне 1939 г. группа ленинградских биологов направила письмо А. А. Жданову, в котором просила его разрешить проведение новой дискуссии между генетиками и их противниками из лагеря Лысенко.⁶² Десятистраничное письмо было подписано восемью сотрудниками Ленинградского университета и двумя сотрудниками Ленинградских пединститутов. Шесть "подписантов" были генетиками: три сотрудника Вавилова — М. А. Розанова, Левитский и Карпеченко, а также заведующий кафедрой генетики животных ЛГУ Владимирский, заведующий лабораторией генетики ЛГУ М. Е. Лобашев и заведующий лабораторией генетики в пединституте Ю. М. Оленов. Четверо остальных были Ю. И. Полянский (протозоолог), А. И. Зуйтин (биометрик), И. И. Соколов (зоолог) и Б. Васильев (ботаник). Письмо характеризовало ситуацию в советской генетике и подчеркивало пять основных положений: попытки лысенковцев дискредитировать генетику и генетиков; административную борьбу против генетики; попытки захватить преподавание генетики; недостоверность экспериментальных исследований сотрудников Лысенко; несовместимость лысенковских идей с дарвинизмом и международным консенсусом в генетике.

Ленинградцы открыли свое письмо заявлением, что "в настоящее время создались совершенно ненормальные условия для работы в области генетики".⁶³ Что делало эти условия ненормальными, по мнению авторов, это то, что "дискуссия /... / выходит из рамок научной полемики и, без всякого на то основания, переходит в сферу административной борьбы с генетикой".⁶⁴ Они подчеркивали, что лысенковцы организовали широкую антигенетическую кампанию в прессе, изображая генетику как "формальную", "буржуазную" и "псевдонаучную" дисциплину. В результате "ошибок прессы" — жаловались авторы, "в некоторых кругах культивирует-

ся совершенно ложное, а подчас просто невежественное представление о генетике как науке. Находятся такие перестраховщики, которые в ответ на призыв акад. Лысенко стремятся поскорее разделаться с генетикой как «буржуазной» наукой, по-видимому, остерегаясь, «как бы чего не вышло».⁶⁵ Авторы подчеркивали, что "вся эта травля идет под знаменем ярой защиты взглядов акад. Лысенко".⁶⁶ Они также заявляли, что "авторитет Лысенко, созданный благодаря его заслугам в области сельского хозяйства, его государственному положению, используется администраторами учреждений, болтунами и карьеристами в качестве «научной» аргументации против генетики",⁶⁷ и отмечали, что такое администрирование "скорее вооружает широкие круги биологов против акад. Лысенко, чем заставляет знакомиться с результатами его работ".⁶⁸

В своем письме авторы приняли тот же самый стиль "навешивания ярлыков", который лысенковцы широко использовали в их собственных писаниях.⁶⁹ Они отмечали, что "вокруг дискуссии содался определенный тип болтуна от «философии», — бездельника, вроде доктора биологических наук И. И. Презента, /... / и тип «ученого» болтуна, вроде акад. Келлера. /... / Эти болтуны, под видом «идеологической борьбы», разжигая дискуссию, стремятся обозлитель людей, создать у нас в Советском Союзе два лагеря ученых (передовые и «лжеученые»)».⁷⁰

Акцент, поставленный в письме на преподавании генетики, ясно отражал новое направление институциональной борьбы, развертывавшейся именно в это время. В 1938-39 гг. Комитет по высшему образованию начал внедрение в вузах страны системы стандартных программ преподавания. Эта система означала, что каждая дисциплина (к примеру, генетика) должна преподаваться во всех вузах соответствующего профиля по единой программе, утвержденной Комитетом. Одновременно аналогичная система начала внедряться Наркомпросом в средние школы. Понятно, что если бы государственные ведомства приняли лысенковские программы, то генетики потеряли бы свои позиции в вузах, которые к тому времени были одним из немногих оставшихся оплотов генетики. Стоит отметить поэтому жалобу авторов письма на то, что "деятели из Наркомпроса уже заменили программы в 9 классе средней школы по теме «наследственность и изменчивость». Причем старатель-

ность этих писак доходит до такой «преданности» Т. Д. Лысенко, что преподавание наследственности и изменчивости базируется исключительно на опытах и рассуждениях Лысенко и Мичурина, словно до них никто ничего правильного и не открывал".⁷¹ Авторы также жаловались на аналогичную ситуацию с вузовскими программами. Важно подчеркнуть, что авторы письма характеризовали лысенковские происки в образовании как противоречащие политике партии: "такое легкое отношение к программам в корне противоречит постановлению ЦК о средней школе (1932)".⁷² Они также отмечали, что Лысенко использует свою административную власть, чтобы не допустить известных генетиков, работающих в сельхозинститутах, к руководству аспирантами. Хотя в этот раз в письме не было прямой ссылки на партийное постановление, она явно подразумевалась — постановление ЦК об аспирантуре (1936) жестко критиковало практику назначения недостаточно квалифицированных исследователей научными руководителями аспирантских работ.

Авторы также привлекли международные аргументы для оправдания генетики. Они отстаивали необходимость курсов генетики в вузах, ссылаясь на опыт Запада: "В настоящее время в любой американской сельскохозяйственной школе наследственность и изменчивость растений и животных есть один из основных предметов обучения студентов, готовящихся к практической деятельности".⁷³ Они также ссылались на Нобелевскую премию, врученную лидеру американской генетики Моргану, как очевидное доказательство важности их дисциплины.

Авторы подчеркивали "извращение" сторонниками Лысенко дарвинизма. "В случае если бы опыты с направленной переделкой наследственной основы внешними факторами и без отбора удались, то Лысенко положил бы начало новому учению о развитии органического мира, в корне расходящемуся с учением Дарвина о естественном отборе. В истории биологии такие попытки делались многократно и каждый раз, при точной проверке опытов, оказывались несостоятельными".⁷⁴ Авторы уделяли особое внимание научной несостоятельности идей Лысенко: "его поспешные теоретические построения (огульное отрицание менделизма-морганизма, учение о «переделке» и др.), /... / являются по нашему глубоко-

кому убеждению ошибочными и подлежат дискуссии и серьезной и тщательной экспериментальной проверке. Между тем они преподаются и рассматриваются как непогрешимые истины".⁷⁵

Цитированное выше письмо иллюстрирует использование его авторами советской системы организации науки для достижения собственных целей: оно было сконструировано, чтобы защитить генетику в соответствии с правилами советской науки. Подобно своим конкурентам, генетики старались обеспечить поддержку высших партийных чиновников в борьбе со своими оппонентами. Они использовали все возможные способы, чтобы привлечь внимание партийных боссов, заполняя свое письмо соответствующими ссылками на практичность и "партийность" их дисциплины. Они цитировали партийные решения и следовали правилам партийного "этикета", навешивая на своих оппонентов подходящие ярлыки и ссылаясь на священный авторитет Ч. Дарвина. Они просили ЦК вмешаться:

Мы за широкую научную дискуссию, но мы не можем примириться с тем идолопоклонством в науке, которое развивается сторонниками Лысенко, с недопустимым администрированием в области науки. Мы просим Вас, как секретаря Центрального Комитета нашей партии, способствовать созданию нормальной обстановки для научной работы и дискуссии в области генетики, призвать к порядку тех, которые вместо борьбы и мобилизации науки за выполнение задач III пятилетки в области сельского хозяйства, пытаются посеять рознь в среде советских ученых. Мы глубоко убеждены, что генетика, вместе с другими биологическими дисциплинами, углубившись в практические задачи, может и должна служить интересам нашего социалистического сельского хозяйства.⁷⁶

Стоит отметить еще раз, что ленинградские биологи просили партийных чиновников вмешаться в их борьбу с оппонентами, то есть они сами признавали право партийных бюрократов оценивать весомость их аргументов. Суть их жалоб касалась институциональных аспектов этой борьбы, которые, очевидно, подлежали партийному решению: все вопросы научной политики в это время решались на заседаниях высших органов партии — Секретариата, Оргбюро и Политбюро. Более того, ад-

рисуя письмо непосредственно в ЦК, авторы, по-видимому, надеялись "перепрыгнуть" через головы низшего слоя бюрократов и ускорить организацию широкой дискуссии, на которую они возлагали большие надежды. Они явно были в курсе организационных изменений в ЦК после 18-го съезда и назначения Жданова главой Агитпропа, ведавшего теперь наукой. Именно поэтому, мне кажется, письмо было адресовано Жданову, а не, скажем, А. А. Андрееву, ведавшему комиссией партийного контроля, или Г. М. Маленкову, ведавшему кадрами. Более того, Жданов был не только секретарем ЦК, но и секретарем Ленинградской парторганизации. Таким образом, у авторов были основания надеяться, что он обратит внимание на письмо, подписанное не генетиками вообще, а его земляками.

Что и произошло.

26 июня письмо попало к Жданову. Он внимательно прочитал его, подчеркнув отдельные фразы и целые абзацы карандашом и сделал ряд отметок на полях. Ждановские пометы на письме показывают какие аргументы авторов привлекли его особое внимание. Одним из главных были "административные методы" борьбы с генетикой. Жданов подчеркнул абзац, в котором авторы жаловались на то, что студентке кафедры генетики ЛГУ было отказано в приеме в партию "как представителю «старой реакционной» науки (генетики) лишь на том основании, что она высказала несогласие с рядом положений акад. Лысенко".⁷⁷ Он подчеркнул все фразы, в которых авторы указывали на противоречия между действиями Лысенко и "партийной линией", а также те, в которых они демонстрировали свою собственную приверженность "линии партии". Он подчеркнул и даже отметил на полях значком "NB" фразу, в которой авторы жаловались на действия чиновников Наркомпроса. Он также отметил соответствующую фразу о вузовском преподавании генетики.

Жданов пометил все сентенции авторов относительно неправильного использования лысенковцами марксизма: "Преподавание биологии по такой программе рассчитано на подмену фактических знаний о природе общими рассуждениями. Не следует понимать нас так, что мы против изложения необходимых марксистских основ мышления, мы стоим за них целиком, но мы против «отсебятины» проф. Презента и ему подобных «дарвинистов». /... / В подоб-

ного рода программах о «диалектике» природы говорится много, а о самой природе очень мало".⁷⁸

Жданов также отметил заявление авторов, что "генетика дает действительные возможности переделки наследственной основы организмов, буквально по заказу, по некоторым признакам у ряда животных и растений",⁷⁹ и их критику лысенковских экспериментов и теоретических положений, в особенности их противоречие дарвиновскому учению. Он обратил внимание и на то, что "объявление открытий почетного члена АН СССР Т. Моргана в области наследственности и его материалистической хромосомальной теории наследственности, за которые он недавно получил Нобелевскую премию, лженаукой, вызывает по меньшей мере недоумение."⁸⁰

Ждановские пометки свидетельствуют, что письмо попало в цель. Жданов представил его на рассмотрение Секретариата ЦК. По-видимому, под его диктовку был подготовлен проект резолюции, который вместе с оригиналом письма был направлен "на голосование в круговую" двум остальным секретарям — Маленкову и Андрееву. Все три секретаря единодушно написали на проекте "за" и поставили свои подписи.⁸¹ Окончательное совершенно секретное постановление, выпущенное 29 июня, гласило:

СЛУШАЛИ: О письме группы ленинградских профессоров по вопросам генетики.

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить редакции "Под знаменем марксизма" провести совещание по существу поднятых в письме группы Ленинградских профессоров вопросов и свои предложения внести в ЦК.⁸²

Два дня спустя, 1 июля, постановление вместе с двумя копиями письма было послано М. Б. Митину, члену ЦК, главному редактору журнала "Под знаменем марксизма" (ПЗМ), директору Института Маркса-Энгельса-Ленина, и П. Поспелову, также члену ЦК, главному редактору "Правды".

Эта резолюция, как и пометки Жданова на письме, ее спровоцировавшем, показывает, что партийные боссы посчитали нужным вмешаться в спор лысенковцев и генетиков. Можно предполагать, что поводом к такому вмешательству было *администрирование* Лысенко, которое явно противоречило курсу, официально

объявленному на 18-ом съезде партии. С другой стороны, резолюция свидетельствует, что никакой *специальной политики* в отношении генетики как научной дисциплины (ни за, ни против) в это время в ЦК не существовало. Партийные боссы назначили философов судьями в споре генетиков и лысенковцев, оставив за собой окончательное решение.

Перед судом философии

Решение Секретариата назначить философов ответственными за проведение дискуссии по вопросам генетики сигнализировало их восхождение на позиции экспертов и советников ЦК в вопросах научной политики. Эта группа стала посредником между высшими партийными органами и научным сообществом. В конце 30-х гг. философы институционально стали частью и научного сообщества, и среднего звена партийной бюрократии: они вошли в Академию наук и в то же время занимали различные посты в аппарате ЦК. Таким образом, философы являлись "слугой двух господ": они образовали особую дисциплинарную группу со своими собственными интересами внутри научного сообщества и одновременно особую группу со своими собственными карьерными устремлениями внутри партийной бюрократии. Это положение, естественно, поставило их в позицию проводников "партийности науки"—представителей и официальных переводчиков интересов партии в научном сообществе—а, с другой стороны, в позицию представителей интересов сообщества в партаппарате. Такая двойственная позиция философов помогает понять природу и результаты организованного ими совещания "по спорным вопросам генетики".

Дискуссия, на которой настаивали генетики, состоялась с 7 по 14 октября в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Ее вели члены редколлегии журнала ПЗМ: недавно назначенные академиками Митин и Юдин, бывший глава Отдела науки Московского обкома партии Э. Я. Кольман, и заведующий сектором психологии Института Философии В. Боровский. Все четверо "судей" были выпускниками Института красной профессуры, "воинствующими материалистами", сотрудниками Комакадемии и аппарата ЦК.

Более ста пятидесяти человек приняли участие в совещании и пятьдесят три выступили с докладами и в прениях. Все авторы письма, инициировавшего совещание, были приглашены. Присутствовали практически все ведущие генетики страны, включая Вавилова, Серебровского, М. М. Завадовского, С. Н. Давиденкова и их учеников: Н. П. Дубинина, А. Р. Жебрака, С. И. Алиханяна, А. А. Малиновского, В. С. Кирпичникова, и Ю. Я. Керкиса. Все оппоненты генетики, упомянутые в письме, — Лысенко, Презент, Келлер и Б. Г. Поташникова—были приглашены, также как и представители лысенковской команды Л. Гребень, В. К. Милованов, и А. А. Авакян. Небольшая группа исследователей, занимавших "промежуточную" позицию между генетиками и лысенковцами, таких как Б. М. Завадовский и И. М. Поляков, также участвовали в совещании.

Как мы видели, действительным поводом к дискуссии был захват лысенковцами институциональной базы генетики. Сама дискуссия, тем не менее, была представлена как научный диспут. Основой программы было обсуждение обоснованности базовых концепций генетики (законы Менделя, концепция гена и хромосомная теория наследственности) и агробиологии (вегетативная гибридизация и адекватная изменчивость). В течение недели докладчики из обеих конкурирующих групп спорили о технике экспериментов, методах, результатах и теоретических выводах. Обзор совещания был опубликован в журнале под общим заголовком "Спорные вопросы генетики и селекции".

Целью дискуссии, однако, в соответствии с разосланным в конце сентября редакцией журнала приглашением, было "наметить *марксистско-ленинскую линию работы* в вопросах генетики и селекции, которая сплотила бы всех работников в этой области в общей борьбе за *поднятие социалистического сельского хозяйства и действительное развитие теории дарвинизма*".⁸³ В своей установочной речи, открывшей совещание, председательствующий Митин также подчеркнул "социальные и политические" аспекты дискуссии. И генетики, и лысенковцы активно использовали эту обязательную риторику в своих выступлениях.

Каждая группа заявляла о практичности ее собственных работ и обвиняла противников в "отрыве от социалистической практи-

ки". Лысенковцы настойчиво указывали, что генетики по большей части изучают бесполезную муху дрозофилу, в то время как Лысенко и его сторонники работают с томатами, картофелем и другими полезными растениями и животными. Они подчеркивали ведущую роль "практики" перед "теорией". По Лысенко:

Только та теория, которая помогает тебе в практическом решении взятых или порученных заданий, приобретает право на научный авторитет. Мичуринское учение мне всегда помогало во всех научных работах. Менделизм и морганизм не только не помогали, но нередко мешали. Вот почему для меня учение Мичурина является колоссальным авторитетом в агробиологии, а учение Менделя и Моргана иначе, как ложным, назвать не могу.⁸⁴

Более того, генетические исследования были слишком медленными, и генетики, таким образом, не успевали выполнять решения партии в области сельского хозяйства. Специальное постановление ЦК от 6 января 1939 г. поставило перед ВАСХНИЛ задачу выведения за два-три года новых сортов ржи и пшеницы для посевов в Сибири, и, по мнению Лысенко, генетики были неспособны выполнить эту задачу.

Генетики также постоянно ссылались на значение "практических применений" генетики, но они рассматривали "теорию" как не менее важное дело, чем "практика". Отвечая на обвинения в "практическом бесплодии" генетических исследований на дрозофиле, один из авторов ленинградского письма Оленов говорил, что дрозофила — наиболее удобный объект генетических исследований, и категорически заявил: "Право науки — выбирать объект исследования".⁸⁵ Генетики постоянно подчеркивали ошибки лысенковских экспериментов и их "торопливые теоретические выводы", которые ведут к серьезным проблемам в практике сельского хозяйства. По воспоминаниям одного из участников совещания, Малиновского, он хотел продемонстрировать реальную "практичность" лысенковских работ и предложил Вавилову предъявить аудитории данные, иллюстрирующие насколько более продуктивны сорта зерновых, выведенные генетиками, но сравнению с лысенковскими. "Если бы имелся сборник с точно документированными достижениями генетики в сельском хозяйстве,

доказывающими практическую пользу генетики, "— вспоминал Малиновский: "это послужило бы весомым аргументом для высших инстанций и /... / могло изменить ход событий".⁸⁶ Вавилов, однако, отказался от этого плана.⁸⁷ В своем выступлении на совещании, тем не менее, Малиновский сам представил некоторые статистические данные, а несколько его коллег продемонстрировали практические достижения генетики в селекции растений и животных.⁸⁸

Риторика, использованная во время дискуссии, показывает значение "дарвинизма" для обеих конкурирующих групп. К 1930-м гг. дарвинизм в России был неразрывно связан с марксизмом. Классики марксизма считали дарвиновское учение истинно материалистическим объяснением биологической эволюции и соответствующим образом характеризовали его в своих писаниях. Такое отношение к дарвинизму было широко распропагандировано "биологами-материалистами" в конце 20-х — начале 30-х гг.⁸⁹ Партийные лидеры, такие как Н. И. Бухарин и Я. А. Яковлев, публиковали работы по "дарвинизму".⁹⁰ Что еще более важно, эволюционное учение часто преподавалось как часть официальной идеологической доктрины — диалектического материализма.⁹⁰ "Дарвинизм", таким образом, стал сферой интересов и влияния философов и идеологов. Генетики (и биологи в целом) постоянно пытались перехватить у философов контроль над эволюционным учением. Они активно участвовали в широкой полемике между "дарвинистами" и "ламаркистами" в конце 20-х начале 30-х гг., публикуя многочисленные статьи против ламаркизма.⁹² Они включали эволюционные проблемы в преподавание генетики и генетические проблемы в курсы эволюционного учения. В определенном смысле борьба вокруг "дарвинизма" явилась борьбой за один из наиболее влиятельных культурных ресурсов, напрямую доступных генетикам, поскольку ссылки на Дарвина как "основоположника материалистической концепции эволюции" могли выступать в качестве замены обязательных ссылок на классиков марксизма, демонстрирующих приверженность "партийной линии".⁹³ Дарвинизм, таким образом, совершенно естественно появился как одна из главных полемических тем на совещании, организованном "под знаменем марксизма": для каждой из конкурирующих групп дарвинизм был одним из лучших доступных

оправданий ее собственной исследовательской программы, позволяя связать ее собственные интересы со "священным" учением марксизма.⁹⁴ Оба лагеря регулярно обвиняли друг друга в антидарвинизме. И генетики, и лысенковцы ссылались на авторитет основоположников "советского дарвинизма", И. В. Мичурина и К. А. Тимирязева. Характерно, что лысенковцы спекулировали на высказываниях *против* менделизма, рассыпанных в писаниях "отцов-основателей", в то время как генетики ссылались на высказывания *за* менделизм из тех же самых работ.⁹⁵

Каждая из групп должна была приспособить свою традиционную риторику к новейшему "изгибу" партийной линии. Это ясно просматривается в отношении к международной обстановке. В августе 1939, меньше чем за два месяца до начала совещания по генетике, с подписанием так называемого пакта Молотова-Риббентропа, СССР и Германия стали де-юре союзниками. Одним из традиционных лысенковских аргументов против генетики было обвинение в "симпатиях к фашизму" и в связях с фашистской идеологией "высшей расы". Эта тема активно эксплуатировалась в начале 1939 г. во время атаки против Кольцова и его института.⁹⁶ В октябре, однако, эта тема стала "неудобна", и лысенковцы оставили свои обвинения генетики как "фашистской науки" и взамен постоянно противопоставляли "иностранных основоположников" формальной генетики — Менделя и Моргана — и "отечественных основоположников" лысенковской доктрины — Мичурина и Тимирязева.⁹⁷ Аналогичным образом изменили свою риторику и генетики. Весной 1939 г., во время подготовки дискуссии в АН, они регулярно напоминали партийным чиновникам об антифашистских настроениях западных генетиков, отмечая что германские генетики не приглашены на седьмой международный генетический конгресс в Эдинбург, в то время как советские генетики приглашены возглавить конгресс и выступить на его пленарных заседаниях с рядом установочных докладов.⁹⁸ На совещании в октябре генетики продолжали ссылаться на авторитет международного генетического сообщества, но ранние ссылки на его антифашистские настроения были, естественно, опущены.

И лысенковцы, и генетики в своих выступлениях на совещании продемонстрировали их принадлежность к единой советской "на-

учной культуре". Каждая группа старалась "перевести" свои собственные интересы на "новояз" партийных чиновников, и действительные научные проблемы были замаскированы толстым слоем соответствующей риторики. Каждая группа ссылалась на "священный" дарвинизм. Каждая следовала партийному "этикету", обвиняя друг друга во всех смертных грехах, навешивая необходимые ярлыки и каясь в совершенных ошибках. Ни одна из групп не пыталась серьезно отнестись к критике ее позиции.⁹⁹ Для каждого из конкурентов его собственные взгляды были "единственно верными и научными", а взгляды оппонента — "псевдо-научными". Каждая группа пыталась установить свою собственную ортодоксию в генетике. Те из участников дискуссии, кто не примкнул ни к одному из лагерей и пытался найти "промежуточную" позицию, — как, к примеру, Б. М. Завадовский и И. М. Поляков — были маргинализованы и рассматривались обеими группами как ренегаты.¹⁰⁰

Приговор.

Редколлегия журнала ПЗМ внимательно следила за дискуссией и вынесла свой приговор, который оказался двойственным. Нужно отметить, что философы занимали гораздо менее "воинствующую" позицию, чем спорящие группы. Они даже призывали обе группы с вниманием относиться к критическим замечаниям оппонентов, обратить внимание на преувеличения и ошибки, собственные каждой из групп, и вместо взаимных обвинений заняться изучением действительных спорных вопросов генетики. В последний день совещания Митин произнес заключительную речь, суммировав результаты недельной дискуссии.¹⁰¹ Вскоре после окончания совещания, Колбановский подготовил, а Митин отредактировал, выводы редколлегии, которые, в соответствии с постановлением Секретариата от 29 июня, были посланы в ЦК.¹⁰²

Неудивительно, что философы, как официальные переводчики партийного "новояза", в своих выводах опирались, главным образом, на риторику, использовавшуюся конкурентами. Направленный в ЦК доклад характеризовал лысенковские работы как "новаторские, прогрессивные", а работы генетиков как "консервативные, противодействующие новаторству в науке".¹⁰³ Такой приговор, естественно, опирался не на научные аргументы — сами судьи

отмечали, что "многое в работах академика Лысенко еще нуждается в уточнении и проверке".¹⁰⁴ Что сделало погоду, так это лысенковская "практичность":

Теоретические взгляды академика Лысенко не только в своей основе правильны, направлены против некоторых догм «современной» науки, и что особенно важно, они широко открывают двери практическому воздействию человека на природу растений, мобилизуя внимание практических работников генетики и селекции на борьбу за такое изменение природы, которое выгодно и нужно для увеличения богатств нашей социалистической родины.¹⁰⁵

Формальные же генетики, по мнению авторов доклада, "в целом отличаются значительным отрывом от практики и уклоном в область чисто теоретических изысканий".¹⁰⁶ Более того, философы повторили одно из главных обвинений лысенковцев: вместо экономически важных растений и животных генетика изучает бесполезные объекты (мух, бабочек и т. п.). Доклад также характеризовал самих генетиков как "замкнувшуюся группу, не только не желающую прислушиваться к голосу практики, но крайне резко и отрицательно реагирующую на критику".¹⁰⁷ Редколлегия, однако, осудила упрощенческий стиль критики лысенковцев и игнорирование ими достижений генетики, к примеру, "научного значения законов наследственности, открытых Менделем", или хромосомной теории Т. Моргана, которую доклад характеризовал как "одно из величайших достижений современной науки".¹⁰⁸ Таким образом, хотя и поддержав лысенковское понимание "практики", философы в то же время поддержали и понимание "теории", отстаиваемое генетиками. Судьи также среагировали на разницу позиций конкурентов по отношению к международному научному сообществу. Они указывали, что работы Лысенко базируются на учении отечественных ученых—Тимирязева и Мичурина—в то время как "среди «формальных генетиков» имеет место раболепие перед иностранными авторитетами, некритическое заимствование у этих авторитетов всякого рода иногда очень подозрительных «новинок»".¹⁰⁹

Вовлеченность в дебаты официальных представителей философии подорвала влияние главного идеолога лысенковцев, И. Пре-

зента. По мнению редколлегии, Презент "занимается наездническими налетами на генетику, способствует озлоблению обеих спорящих сторон и, кроме всего прочего, использует имя акад. Лысенко для восхваления самого себя".¹¹⁰ Хотя эти философы и не отвергали марксистской риторики, использованной Презентом для оправдания лысенковской доктрины, они резко критиковали его претензии на лидерство в развитии марксизма в биологии. Это было их собственной прерогативой! Философы поддержали лысенковскую критику генетики как антидарвинистской дисциплины. Отмечая некоторую двойственность отношения Мичурина и Тимирязева к генетике, философы заявляли, что взгляды Лысенко являются дарвинистскими, а генетики "занимают позиции, враждебные дарвинизму". В докладе также отмечалось, что генетики отвергают работы советского "основоположника" дарвинизма, И. Мичурина, в то время как учение Лысенко "соответствует духу дарвинизма, учению Тимирязева, учению Мичурина".¹¹¹

В процессе дискуссии практически никто не упоминал институциональные и административные стороны спора. Тем не менее, судьи затронули эти проблемы в своем сообщении в ЦК. Их доклад не предлагал каких-либо радикальных институциональных мер ни в пользу генетиков, ни в пользу лысенковцев. Однако, следуя партийной линии против администрирования и директивам секретарей партии, ясно выраженным в ждановских пометках на письме ленинградских биологов, редколлегия подвергла суровой критике административные методы лысенковцев. Авторы предложили "призвать к порядку" чиновников Наркомпроса и Комитета по высшему образованию, которые самовольно изменили программы преподавания генетики. Предложения философов были направлены на утверждение "ведущей роли партии". Именно этим духом были проникнуты все предложения редколлегии по поводу "ряда серьезных мероприятий необходимых для правильной организации научной работы — для того чтобы использовать всех ценных работников биологических учреждений".¹¹² Философы предложили "пополнить состав работников Академии Сельскохозяйственных наук партийными коммунистическими кадрами".¹¹³ Для выполнения своих предложений они считали необходимым реорганизацию научных исследований в Институте Генетики и в ВИРе. Фи-

лософы не забыли об утверждении своей собственной позиции: они указывали, что "теоретические позиции «формальных генетиков» нуждаются в основательной критике с позиций дарвинизма и диалектического материализма."¹¹⁴

В целом, философы поддержали требования генетиков к научной обоснованности учений о наследственности, поощрили лысенковскую риторику "практичности", "патриотичности" и "дарвинистичности" науки и осудили лысенковское администрирование. - Поступая таким образом, они преследовали свои собственные профессиональные интересы, отстаивая свои претензии на контроль над такими сферами как метод, практика и марксизм советской генетики и науки в целом. В то же время, своим докладом в ЦК о "спорных вопросах генетики" они демонстрировали свою полезность как посредников между научным сообществом и ЦК.

Результаты дискуссии.

Генетики были разочарованы результатами совещания. Это разочарование отчетливо просматривается в письме, написанном Вавиловым Митину вскоре после окончания дискуссии "под знаменем марксизма".¹¹⁵ Адресованное "Митину лично" письмо было весьма критичным по своему содержанию. "Подведенный Вами итог конференции по генетическим вопросам, /... / оставил горький осадок у нас, работающих в области генетики",¹¹⁶ — писал Вавилов. Отмечая верную оценку Митиным важности законов Менделя и хромосомной теории Моргана, Вавилов подчеркивал, что Митин был совершенно неправ в разделении генетиков на "прогрессивных" (лысенковцы) и "реакционных" (формальные генетики). Лысенко старался дискредитировать генетику и генетиков и заявления Митина могли ему в этом помочь. Вавилов отмечал своевременность митинского заявления — "Мы должны призвать к порядку научных администраторов, которые тормозят развитие нашей науки,"¹¹⁷ — и жаловался, что буквально накануне совещания Лысенко в очередной раз использовал свою административную власть для удаления своих научных противников из учебного совета ВИРа.

Вавиловское письмо показывает, что он хорошо понимал двойственную позицию философов как членов одновременно и науч-

ного сообщества, и партаппарата и их роль посредников между ними. Он не мог послать столь критичное письмо Жданову, но он мог и послал такое письмо своему "коллеге-академику": "Конечно, я не надеюсь Вас переубедить и пишу Вам только по-товарищески, как члену академии наук, как философу, представителю самой передовой, самой правдивой философии".¹¹⁸ Митин был, по-видимому, всерьез раздражен вавиловской нотацией: он приложил копию вавиловского письма к своему докладу в ЦК и охарактеризовал его как "политическую декларацию".¹¹⁹ Мы можем только гадать, рассчитывал ли Вавилов именно на такие действия Митина, стараясь сделать так, чтобы его позиция стала известна ЦК и чтобы партийные боссы имели основание "осудить судей". В любом случае, генетики сделали все необходимое, чтобы их патроны в ЦК были информированы о том факте, что, вопреки инструкциям, Лысенко вновь использовал свое административное положение для борьбы против генетики.

Спустя несколько дней после того как Вавилов послал письмо Митину, группа сотрудников ВИРа, включавшая М. А. Розанову, Г. А. Левитского и Г. Д. Карпеченко, направила новое письмо Жданову. В письме они сообщали:

Постановлением Президента Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина от 28 сентября 1939 г. утвержден новый список членов Ученого Совета Всесоюзного Института Растениеводства, куда не включены 12 докторов наук, 33 кандидата наук и большинство директоров Отделений, которые по своим научным степеням и званиям и, как нам известно, согласно положению об Академии, до сего времени входили в состав Ученого Совета Института. /... / Приказ Президента Академии в то же время вводит взамен их лиц, не имеющих никакого отношения к Институту (как Поташникова) или оставивших работу в Институте, а из числа сотрудников Института оставляет бесспорно менее компетентных, чем исключенные специалисты, возглавляющие данные отрасли науки.¹²⁰

Авторы подчеркивали, что главы таких основных подразделений института, как отделы зерновых и бобовых культур, ягодных и плодовых культур, генетики и цитологии не включены в новый ученый совет.

Как и в предыдущем обращении в ЦК, авторы подчеркивали противоречие действий Лысенко "линии партии": "весь раздел технических культур, на которые в текущей пятилетке сделан особый упор Партии и Правительства /... / не имеет ни одного представителя в Совете".¹²¹ В отличие от предыдущего письма, однако, в этот раз авторы не ссылались ни на "научные противоречия" между генетиками и лысенковцами, ни на "научную необоснованность" лысенковских концепций, они жаловались исключительно на лысенковский административный диктат, надеясь, по-видимому, что партийные чиновники вмешаются, хотя бы для того, чтобы утвердить собственный контроль.

Их расчет оказался правильным. Жданов снова поддержал их петицию. Он представил письмо на заседание Секретариата 9 ноября. Секретариат решил направить письмо "для рассмотрения" Вышинскому, члену одновременно ЦК и президиума АН.¹²² Спустя почти месяц, 7 декабря, Вышинский доложил результаты своего "рассмотрения" секретарю ЦК, ведавшему Комиссией партийного контроля, Андрееву. Вышинский подтвердил правильность изложенных в письме фактов: число членов ученого совета сокращено наполовину и "при формировании нового совета, в него действительно не вошли многие из бывших членов совета, преимущественно из числа научных работников, рекомендованных академиком Н. И. Вавиловым".¹²³ В результате нескольких бесед с Лысенко Вышинский пришел к выводу, что "совет составлен без учета указанных в записке группы научных работников ВИРа обстоятельств".¹²⁴ Можно полагать, что этими "обстоятельствами" было на самом деле противоречие между действиями Лысенко и официальной "партийной линией". Специальная резолюция президиума ВАСХНИЛ ввела в Ученый совет глав основных отделов и экспериментальных станций: генетики были восстановлены в совете ВИРа. Сообщая о принятых мерах, Вышинский предлагал "считать вопрос закрытым" и "просил указаний". Указаний не последовало—Андреев прочел записку Вышинского и направил ее в архив.

В целом институциональные результаты дискуссий и партийных решений 1939 г. подтвердили статус-кво на генетическом фронте. ЦК не принял никакого специального решения по докладу редколлегии ПЗМ о спорных вопросах генетики, ни в пользу лысенков-

цев, ни в пользу генетиков. Генетики не сумели существенно улучшить ни "общественное мнение" о генетике, ни свои институциональные позиции. Им удалось, однако, отбить последнюю атаку конкурентов на ВИР и сохранить Институт генетики под своим контролем.

Меньше года спустя, генетики потеряли и эти институциональные бастионы. Летом 1940 г. Вавилов был арестован как "английский шпион". До сих пор мы не знаем точных причин ареста Вавилова, который оказался поводом к последовавшим арестам его сотрудников, включая Карпеченко и Левитского. Мы знаем, что ОГПУ-НКВД вело слежку за Вавиловым с 20-х гг. и, возможно, его бескомпромиссная позиция на совещании 1939 г. добавила несколько новых страниц к его досье. Трудно, однако, полагать, как делали некоторые исследователи, что это могло послужить основанием для ареста.¹²⁵ Более того, имеются ясные указания, что авторитет Вавилова в правительственных кругах был достаточно высок: весной 1940 г. ему были поручены весьма ответственные задания по обследованию территорий, приобретенных СССР в Финляндии и Польше в результате советско-финской войны и советско-германского договора.

Что могло спровоцировать арест Вавилова, так это, пожалуй, его международная активность, в особенности, переписка с британскими коллегами. В конце 1939-начале 1940 г., несмотря на то, что советско-германский договор сделал СССР официальным союзником Германии и врагом Британии, Вавилов продолжал активную переписку с британскими генетиками. Весной 1940 г. один из них, С. Дарлингтон, предложил организовать публикацию английского перевода одного из последних изданий ВИРа по генетике. Вавилов с радостью согласился и сообщил Дарлингтону, что его сотрудники сами приготовят английские тексты своих работ, дополнив их результатами последних исследований.¹²⁶ 24 июня 1940 г. Вавилов в следующем письме Дарлингтону писал, что около половины тома уже переведено на английский язык и что он надеется "вскоре его закончить".¹²⁷

В обстановке шпиономании, которая захлестнула НКВД с началом Второй мировой войны, продолжающаяся переписка Вавилова с британскими коллегами, как и его готовность предоставить

"британским империалистам" результаты новейших советских генетических исследований, могли легко оказаться той самой "соломиной, сломавшей спину верблюда". Спустя несколько дней после отправки цитированного выше письма Дарлингтону, Вавилов выехал в экспедицию в бывшую польскую "Западную Украину". Посередине этого путешествия он был арестован специальной командой сотрудников НКВД и доставлен обратно в Москву. Оказавшись в тюрьме, он попал в отлаженную мясорубку НКВД: как и многих других, Вавилова заставили подписать лживые обвинения, приготовленные следователями против его сотрудников, которые и стали основанием для последовавших арестов.

Вновь, как и во времена Большого террора за два года до этого, эти аресты оказались стратегически важными: они устранили наиболее известных генетиков-администраторов, включая Вавилова, Карпеченко и Левитского, и подорвали связи генетиков с их патронами в партаппарате. Неудивительно, что генетики были замещены их конкурентами на многих ответственных и ключевых постах. Лысенко сам стал вместо Вавилова директором Института Генетики АН, назначил одного из своих сторонников директором вавиловского ВИРа и, по-видимому, способствовал назначению другого своего сторонника на кафедру генетики растений ЛГУ, ранее возглавлявшуюся Карпеченко. И снова, как и во время Большого Террора, все эти события отнюдь не свидетельствовали о специальной, продуманной *политике партаппарата*, направленной против генетики. Скорее, они явились результатом одной из общих особенностей сталинской системы организации науки, которую генетики с успехом использовали к собственной выгоде вплоть до 1935 г., — централизации административной власти в отдельных дисциплинах. Арест лидера генетиков, Вавилова, оказался поводом к аресту его соратников и открыл дорогу лысенковцам для успешного захвата всех институтов, находившихся под контролем их арестованных конкурентов.

Тем не менее, хотя и потеряв нескольких ведущих администраторов и два главных института, советская генетика не была полностью уничтожена. Небольшая группа продолжила работу в бывшем кольцовском ИЭБе, другая — в лаборатории генетики животных ЛГУ, еще одна — в Институте эволюционной физиологии Наркомздрава в

Колтушах и еще одна—в Институте эволюционной морфологии АН. Несколько групп работали в различных институтах Ленинграда, Украины и Армении. Более того, несколько "формальных генетиков" продолжали работать в Институте Генетики под руководством Лысенко! Хотя и рассыпанная теперь по разным учреждениям, менделевская генетика продолжала свое развитие в СССР. Генетики проиграли сражение, но не войну.

Принципы конкуренции

Рассмотренный эпизод из конкуренции между двумя научными группами показывает сталинскую систему науки в действии. Он демонстрирует "экологию" и "физиологию" этой системы, ее ресурсы и способы их использования, а также значение симбиотических отношений, которые сделали науку частью советской государственной машины. Он освещает особый институциональный, политический и культурный "ландшафт", в котором советские ученые строили свои институты и карьеры и преследовали свои собственные интересы во взаимодействии со своими патронами из власти.

В конце 30-х гг. централизованная иерархическая организация научного сообщества воспроизводила централизованную иерархическую структуру партийного государства, способствуя развитию конкуренции между различными группами внутри сообщества за благосклонность и поддержку их патронов внутри контролирующего аппарата. Ни сообщество, ни аппарат не были монолитными: они были разделены на различные подгруппы, каждая из которых преследовала собственные цели и использовала собственные средства. Неоднозначные взаимодействия между этими группами часто вели к последствиям, не предвиденным ни одним из участников таких взаимодействий.

Советские ученые прекрасно понимали принципы функционирования сталинской системы и научились использовать ее для достижения собственных интересов и целей. Они знали, что реальная власть находилась в руках высших партийных органов—Секретариата, Оргбюро и Политбюро ЦК — и обращались к партийным боссам с многочисленными петициями. В свою очередь, партийные боссы читали обращения ученых и переправляли их (часто с пометами и краткими указаниями) среднему звену партийных чиновников

"для рассмотрения" и "исполнения" или помещения в архив. Чиновники среднего звена готовили конкретные решения и отправляли их обратно своим начальникам для утверждения. Действия и высших, и низших партийных чиновников определялись их собственными интересами и целями, а, следовательно, соображениями, "внешними" по отношению к вопросам, поднимавшимся в письмах ученых.

Именно этот бюрократический механизм, простая административная механика системы и определяла результаты той или иной петиции. Жесткие бюрократические правила субординации, ответственности, и отчетности часто играли гораздо большую роль в принятии конкретных решений, чем какие-либо научные вопросы. В этой системе планы и отчеты, обещания и декларации имели гораздо больший вес, чем любые действительные научные и даже практические соображения. Более того, возвышение философов на роль экспертов и советников ЦК по научным вопросам значительно уменьшило действенность традиционных научных аргументов и увеличило действенность риторики в принятии решений.

Ведущие партийные органы, совершенно очевидно, не имели четкой политики по отношению к конкретным научным вопросам, поднимавшимся учеными в их обращениях к патронам. Партийные боссы основывали свои решения на некоторых общих идеях и моделях, которые и определяли текущие приоритеты. Для чиновников наука была инструментом в достижении политических, идеологических и практических целей партии. Служение этим целям было главным критерием, определявшим и предмет, и объект, и даже скорость научных исследований (вспомним решение ЦК создать новые сорта зерновых для Сибири за *два-три* года). Конкретные критерии официальных оценок того или иного предложения научного сообщества менялись в соответствии с текущей политикой партии во внутренних и международных вопросах.

По существу, язык науки был непонятен партийной бюрократии. Овладение "партийным языком", таким образом, стало инструментом институциональной борьбы и делания карьеры. Ученые старались привлечь внимание партийных боссов к своим проблемам и добиться их поддержки для своих собственных целей. Они пытались писать на жаргоне их патронов, апеллируя к интересам,

идеям и приоритетам их партийных покровителей и наполняя свои письма в ЦК партийной риторикой и ссылками на партийные решения. Они старались "перевести" свои собственные проблемы на "новояз" чиновников. То, в какой степени конкретные научные интересы были *переводимы* и были в *действительности переведены* на партийный жаргон часто определяло результаты строительства и конкретных дисциплин, и карьер, и институциональной конкуренции. И развитие агробиологии как дисциплины — одно из лучших тому подтверждений. Не какая-то особая партийная позиция по отношению к конкретному достаточно эзотеричному научному вопросу наследственности, а скорее способность лысенковцев представить свою доктрину как "правильный тип" науки и перевести ее научную программу на партийный язык и определила успех лысенковцев в их дискуссии с конкурентами, проведенной ПЗМ в 1939 г.

Проанализированный эпизод также демонстрирует исключительное влияние изоляции — административных "изолирующих барьеров", воздвигнутых между советским и западным сообществами в конце 1930-х гг. — на внутреннюю динамику системы. Эта изоляция лишила советских ученых одного из важных культурных ресурсов, который они с успехом использовали ранее в своих взаимодействиях с партийными патронами: престиж советской науки на международной арене. Если бы генетики преуспели в организации Международного генетического конгресса в Москве в 1937 г., возможно, им бы удалось удержать свои позиции в 1938 и 1939 гг., как это случилось с физиологией и геологией. Изоляция также заменила в научных дискуссиях авторитет международного консенсуса в конкретных дисциплинах на "наследие" отечественных "основоположников" и диалектический материализм. Если бы советско-германский пакт 1939 г. не помешал советским генетикам принять участие в международном генетическом конгрессе в Эдинбурге и если бы пакт не превратил в одночасье нацистскую Германию из врага в союзника, возможно, ссылки генетиков на авторитет англо-американского генетического сообщества оказались бы более весомыми на совещании в октябре 1939 г.¹²⁸

Этот эпизод также показывает особое значение научных администраторов для дисциплинарного развития в сталинской систе-

ме науки. Ее централизованная иерархическая структура возлагала особую власть и ответственность на тех ученых, которые занимали ее ключевые административные посты — директоров институтов и членов академий. Именно они стали официальными "переводчиками" научного языка для партийных чиновников и партийного "новояза" для научного сообщества. Их способность поддерживать рабочие контакты с высшей бюрократией (или действовать как ее представители), следовать правилам системы и ее культуре, добиваться поддержки бюрократии для собственных интеллектуальных и институциональных целей стали решающими в процветании дисциплин, которые они представляли.

Большой Террор, с особой силой ударивший по высшему слою бюрократии (включая научных администраторов), оказался катастрофой для некоторых дисциплин и институтов, поскольку он разрушил связи их администраторов с их покровителями в аппарате. С одной стороны, аресты практически всего верхнего эшелона партийной бюрократии, участвовавшей в определении научной политики, нарушили нормальное функционирование всей системы советской науки. С другой стороны, в противоположность популярному лозунгу 30-х гг. — "У нас незаменимых нет!" — аресты некоторых администраторов оказались невосполнимыми потерями для отдельных дисциплин. Так, арест Левита привел к разрушению Медико-генетического института, отчасти из-за "неспособности" ученых, работавших в то время в области генетики человека, выдвинуть из своих рядов другого авторитетного администратора. Дискредитация в глазах партийных чиновников таких генетиков-администраторов, как Кольцов и Серебровский (а позднее Вавилов, Карпеченко и Левитский), была важнейшим фактором лысенковского успеха в захвате генетических институтов. И именно способность Дубинина следовать правилам системы, его владение партийным жаргоном и этикетом позволили ему стать официальным представителем генетического сообщества и сохранить генетический отдел в реорганизованном ИЭБ после смещения его учителя Кольцова с поста директора.

В такой системе становится понятным, почему "атака на личности" стала одним из основных инструментов научной конкурентной борьбы. Централизация и иерархизация науки часто вела к

выдвижению центральной фигуры, представлявшей конкретный институт или дисциплину в глазах контролирующего аппарата (подобно тому, как Вавилов представлял менделевскую генетику). Удаление такой центральной фигуры делало уязвимой представляемую дисциплину и часто вело к захвату ее институциональной базы конкурентами. Именно это и произошло в генетике: Лысенко стал преемником Вавилова практически на всех его постах. Мы можем понять, таким образом, почему атака на конкретного ученого-конкурента была, как правило, направлена на его "политическое лицо", а не на его действительные научные заслуги. Система номенклатуры, контролировавшаяся партийными чиновниками, давала очевидные преимущества "плохому ученому, но хорошему большевику", а не "хорошему ученому, но плохому большевику"—первый имел гораздо больше шансов быть назначенным на ответственный административный пост, стать официальным представителем дисциплины в партийных органах, и, таким образом, определять ее развитие. К концу 30-х гг., способность "изгибаться вместе с линией партии"—способность совмещать партийные приоритеты и научные интересы, мастерство в публичных выступлениях, владение партийным "новоязом" и этикетом—стала жизненно-важной характеристикой научных администраторов и одной из главных характеристик сталинской системы науки в целом, определяя успех той или иной группы в конкуренции за благосклонность партийных чиновников.

Примечания

1. Bernal J. D. *The Social Function of Science*. N.-Y., 1939.
2. Настоящая статья представляет собой переработанный перевод одной из глав моей книги. Kremontsov N. *Stalinist Science*. Princeton, 1997.
3. См. основные работы, посвященные "разгрому" и восстановлению генетики: Medvedev Z. *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. N.-Y., 1969. Опубликованное русское издание книги более детально см. Медведев Ж. А. *Взлет и падение Лысенко: история биологической дискуссии в СССР, 1929-1966*. М., 1993; Joravsky D. *The Lysenko Affair*. Cambridge, 1970; Graham L R. *Science and Philosophy in the Soviet Union*. N.-Y., 1974; Lecourt D. *Proletarian Science? The Case of Lysenko*. London, 1977; Adams M. B. *Biology*

after Stalin: A Case Study // Survey: A Journal of East/West Studies. 1977-78. V. 23. P. 53-80; Сойфер В. А. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Ann Arbor, 1989. Недавно опубликованная английская версия этой книги представляет собой сокращенный перевод русского издания см. : Soyfer V. A. T. D. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick, 1994.

4. Детальный очерк становления русской генетики см. Adams M. B. Soviet Genetics // History and Philosophy of the Life Sciences. 1995. V. 17. Autumn (forthcoming); and Adams M. B. Eugenics in Russia / Ed. M. B. Adams. The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. N.-Y., 1990. P. 153-216.
5. В 1918 г. он получил поддержку Наркомзема для лаборатории генетики, возглавлявшейся одним из наиболее талантливых его учеников — А. С. Серебровским. Подробнее об истории генетических исследований в ИЭБ см. Бабков В. В. Московская школа популяционной генетики. М., 1985.
6. В этой работе я использую термин "наука" для обозначения "естественных наук". Развитие гуманитарных дисциплин лежит за рамками моего исследования. Некоторые особенности социального ландшафта советской науки, описанные в этом разделе, были впервые отмечены в нашей совместной с Д. А. Александровым статье. См. Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1989. №4. С. 67-80.
7. Подробнее о государственных органах управления наукой: Стрекопытов С. П. Государственное руководство наукой в СССР, 1917-1938. М., 1991. (дисс. докт. ист. наук).
8. Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства // Документы по истории Академии Наук СССР, 1917-1925. Л., 1986. С. 25-26.
9. Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ // Там же. С. 62.
10. О системе "коммунистических" научных и особенно учебных заведений см. David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918-1929. Ithaca, forthcoming. Я признателен Майклу за возможность ознакомиться с рукописью его работы.
11. О специфической "культуре" большевиков см. Tucker R. Culture, Political

- Culture and Soviet Studies // Political Culture and Leadership in Soviet Russia. Brighton, 1987. О заимствовании этой культуры научным сообществом см. главы 1 и 2 в Krementsov N. Stalinist Science. Princeton, 1996.
12. Использование соответствующей риторики для легитимизации генетических исследований обсуждалось М. Адамсом в работе о кольцовском институте: Adams M. B. Science, Ideology and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900-1970 // The Social Context of Soviet Science. / Eds. L. Lubrano and S. Solomon. Boulder, 1980. P. 173-204. См. также ее статью в данном сборнике.
 13. См., к примеру, Серебровский А. С. Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты // Под знаменем марксизма (ПЗМ). 1925. № 3. С. 98-117.
 14. См. Gaissinovitch A. E. The Origin of Soviet Genetics and the Struggle against Lamarkism, 1922-1929 // Journal of the History of Biology. 1980. V. 13. № 1. P. 1-51.
 15. См. Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. № 1. С. 1-27; Серебровский А. С. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Труды Кабинета наследственности и конституции человека при медико-биологическом институте. 1929. № 1. С. 1-19 и многие другие публикации генетиков 20-х гг.
 16. См. Академия наук СССР. Персональный состав. Книга 2, 1917-1974. М., 1977. С. 366-383.
 17. О "коммунизации" академии см. Graham L. R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932. Princeton, 1967; Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971. С. 168-218; Перченко Ф. Ф. Академия наук на великом переломе // Звенья. М., 1992. Т. 1. С. 163-235.
 18. Существовал также проект создания Академии химических наук, но реализован он не был. См. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971. С. 103-104. А в 1934 г. СНК создал Академию архитектуры, включавшую шесть научных институтов.
 19. См. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 114. Л. 1-38.
 20. Система номенклатуры была одним из главных инструментов контроля над научным сообществом: все назначения на административные должно-

сти (равно как и увольнения) должны были утверждаться соответствующим партийным комитетом. Система была строго иерархичной—чем выше должность, тем выше партийный комитет, контролирующий назначение: так, должности директора института и его заместителей входили в номенклатуру Секретариата ЦК, должности президента и вице-президента академии—в номенклатуру Политбюро. Даже должность библиотекаря в научном институте входила в номенклатуру райкома партии.

21. К примеру, С. С. Четвериков, основатель популяционной генетики и руководитель Генетической лаборатории в Институте экспериментальной биологии, был арестован и выслан из Москвы.
22. Об Институте и его директоре см. : Adams M. B. *Eugenics in Russia // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia.* / Ed. M. B. Adams. N.-Y, 1990. P. 153-216.
23. Бабков В. В. Н. К. Кольцов: Борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // ВИЕТ. 1989. № 3. С. 2-19.
24. Материалы к всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований. Л., 1932.
25. Академия наук СССР. Персональный состав. Книга 2, 1917-1974. М., 1977. С. 406-408. Это издание несет на себе следы жесткой цензуры, к примеру, в нем не упоминается, что в феврале 1933 г. Г. Меллер был избран чл.-корр. АН.
26. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 9.
27. О выдвигенчестве см. Bailes K. E. *Technology and Society under Lenin and Stalin.* Princeton, 1978; Fitzpatrick Sh. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934.* Cambridge, 1979.
28. Организация советской науки в 1926-1932 гг. Сборник документов. Л., 1974. С. 48-49.
29. Позднее переименованный в "Яровизацию" (1936), а затем в "Агробиологию" (1946). Стоит отметить, что, несмотря на резолюцию Президиума АН 1935 г., "Советский генетический журнал" так никогда и не был создан.
30. См. Российский Государственный архив экономики (далее—РГАЭ) Ф. 8390. Оп. 1. Д. 757-767, 789. Традиционно полагалось, что эта дискуссия была инициирована, подготовлена и проведена Лысенко и его сторон-

никами с целью дискредитировать генетику и генетиков. Эта версия выглядит сомнительной. Лысенко не нуждался в какой-либо дискуссии со своими научными оппонентами: благодаря поддержке государственных и партийных чиновников (прежде всего Я. А. Яковлева — наркома земледелия, а позднее главы Сельхозотдела ЦК), Лысенко делал стремительную карьеру, продвигая свои идеи в практику, а своих сторонников на различные посты в сельскохозяйственной иерархии.

31. Сборник работ по дискуссионным вопросам генетики и селекции. М., 1936.
32. Детальный анализ взаимосвязей между генетикой и евгеникой в России см. Adams M. B. *Eugenics in Russia // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia.* / Ed. M. B. Adams. N.-Y., 1990. P. 153-216.
33. Сравните, к примеру, выступления Н. Дубинина и И. Презента в Спорные вопросы генетики и селекции. М., 1937.
34. См., например, "покаяние" А. Серебровского в Бюллетень IV сессии ВАСХНИЛ. № 8. 30 декабря 1936. С. 21.
35. См. Бюллетень IV сессии ВАСХНИЛ. № 8. 30 декабря 1936. С. 26-30.
36. РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 781. Л. 1.
37. Спорные вопросы генетики и селекции. М., 1937.
38. См. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 985. Л. 5. К этому времени, однако, Международный комитет по организации конгресса принял решение о переносе конгресса на 1939 г. в Эдинбург, и хлопоты русских генетиков оказались напрасными.
39. См., к примеру, список репрессированных сотрудников АН в Переченке Ф. Ф. Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы. М., 1995. С. 236-252.
40. С арестом Баумана Отдел науки ЦК постепенно прекратил свое существование. Неполный, но достаточно обширный, список арестованных генетиков, агробиологов и их патронов в госаппарате см.: Joravsky D. *The Lysenko Affair.* Chicago, 1970. Appendix A. P. 317-328.
41. См., например: Идельчик Х. И. Нарком здравоохранения Г. Н. Каминский // Репрессированная наука. Вып.1. Л., 1991. С. 461-474.
42. См., например: Пархоменко А. А. Академик Н. П. Горбунов // Репрессированная наука. Вып.1. Л., 1991. С. 408-423.

43. Назначение Лысенко и Цицина было обеспечено поддержкой нового наркома земледелия И. Бенедиктова. См. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 996; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 2138. Л. 54.
44. Может показаться, что все эти события отражали поворот партийной политики против генетики: многие историки утверждали, что аресты генетиков означали отрицательное отношение партийных боссов к генетике как дисциплине, поскольку генетика, якобы, противоречила марксистской идеологии. Однако, не меньшее, если не большее, число физиков и астрономов, к примеру, также было арестовано во время Большого Террора, и никто не говорит, что партийные боссы имели что-нибудь против физики или астрономии. Более того, как было показано Д. Жоравским, во время террора были арестованы не только генетики, но и некоторые сторонники Лысенко. См. Joravsky D. *The Lysenko Affair*. Chicago, 1970. Appendix A. P. 317-328.
45. Список арестованных сотрудников академии см. Перченков Ф. Ф. Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 236-252.
46. См. В Совнарком СССР // Правда. 1938. 11 мая. С. 2.
47. В 1935 г. Лысенко начал свою государственную карьеру, став членом Украинского, а год спустя союзного ЦИК; в 1936 г. он стал делегатом 8 Съезда Советов, принявшего новую конституцию; в 1937 г. — членом Верховного Совета СССР и заместителем председателя Совета Союза.
48. В. Сойфер высказал предположение, что недовольство правительства планом генетиков было прямо спровоцировано Лысенко. См. : Сойфер В. Власть и наука: история разгрома генетики в СССР. *Ann Arbor*, 1989. С. 299-302.
49. Хотя Лысенко не был членом академии, он, тем не менее, был приглашен на заседание.
50. Бах А., Келлер Б., Коштыянец Х., Щербаков А., Дозорцева Р., Поликарпова Е., Нуждин Н., Краевой С., Костиков К. Лже-ученым не место в Академии Наук // Правда. 1939. 11 января. С. 2. Статья также атаквала другого кандидата — известного ихтиолога Л. С. Берга.
51. В действительности эти назначения и "выборы" были обеспечены системой номенклатуры. Список кандидатов был предварительно утвержден Секретариатом ЦК.

52. Архив Российской Академии Наук (далее—АРАН). Ф. 2. Оп. 1а. Д. 68. 160а.
53. Эта борьба была частично отражена в прессе. К примеру, главная газета Наркомзема, "Социалистическое земледелие", первого февраля опубликовала две статьи о преподавании генетики: одну, написанную Вавиловым, а вторую — Лысенко.
54. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 172. С. 90.
55. АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 411. С. 2.
56. Сталин И. В. Отчетный доклад 18-му Съезду ВКП(б) // Вестник АН СССР (ВАН). 1939. №4-5. С. 29-30.
57. Несмотря на активную коммунизацию советской науки, начавшуюся в конце 1920-х гг., только в 1936 г., после объединения Комакадемии и Академии наук, в составе последней появился Институт философии.
58. ВАН. 1939. №4-5. С. 82.
59. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1939. Д. 172. Л. 27-30.
60. АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 411. Л. 26.
61. См., например, письмо Серебровского в ЦК в АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 348. Л. 5-6.
62. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1102. Л. 68-77.
63. Там же. Л. 68.
64. Там же.
65. Там же. Л. 73-74.
66. Там же. Л. 76.
67. Там же. Л. 72.
68. Там же. Л. 73.
69. В. Сойфер совершенно очевидно не видел самого письма, утверждая что в письме генетиков "внешнее проявление страстей, так присущее лысенковцам, было отброшено." см. Сойфер В. Власть и наука. С. 315.
70. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1102. Л. 70-71.
71. Там же. Л. 74.
72. Там же. Имелась в виду резолюция ЦК "Об учебных программах и режиме начальных и средних школ", выпущенная 25 августа 1932 г.

73. Там же. Л. 76.
74. Там же. Л. 71.
75. Там же. Л. 69.
76. Там же. Л. 77.
77. Там же. Л. 69.
78. Там же. Л. 74-75.
79. Там же. Л. 73.
80. Там же. Л. 72.
81. Официально в 1939 г. Секретариат включал также и Генерального секретаря партии - Сталина - который, однако, почти не принимал участия в его работе. Указанный проект Сталину не посылался.
82. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1102. Л. 67.
83. АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 348. Л. 9-10. Выделено мною, Н. К.
84. Выступление акад. Т. Д. Лысенко // ПЗМ. 1939. №9. С. 167.
85. Цит. по Колбановский В. Обзор совещания по генетике и селекции // ПЗМ. 1939. №11. С. 100.
86. Цит. по Музрукова Е. Б., Чеснова Л. В. Советская биология в 30-40-е годы: кризис в условиях тоталитарной системы // Репрессированная наука. Т. 2. СПб., 1994. С. 45-56, на С. 55.
87. Вавилов в своем докладе ссылался на практические достижения американских генетиков особенно в области гибридной кукурузы, но аналогичных материалов из работ отечественных генетиков не представил. Только много позже, в 1950-е гг., один из генетиков, В. П. Эфроимсон, подготовил детальный анализ практических "достижений" Лысенко и его команды (см. Эфроимсон В. П. О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. №1. С. 79-93; №2. С. 132-148; №3. С. 96-110; №4. С. 100-111).
88. См. Колбановский В. Обзор совещания по генетике и селекции // ПЗМ. 1939. №11. С. 124.
89. К примеру, около половины знаменитого тома "Маркс, Энгельс, Ленин о биологии" было посвящено эволюционным вопросам см. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин. О биологии. / Ред. Б. Токин, Ф. Айзупет. М., 1936. Это также объясняет почему именно философ И. Пре-

зент был первым, кто организовал специальную кафедру "диалектики природы и эволюционного учения" в ЛГУ и составил первую хрестоматию по эволюционному учению (см. Хрестоматия по эволюционному учению / Ред. И. Презент. Л., 1934.

90. Н. Бухарин в 1932 г. выступил с длинным докладом "Дарвинизм и марксизм" на специальном заседании АН (см. Социалистическая реконструкция и наука. 1932. № 5. С. 10-33. Я. А. Яковлев в 1937 опубликовал статью, в которой обвинял генетиков в антидарвинизме. Яковлев Я. А. О дарвинизме и некоторых анти-дарвинистах // Правда. 1937. 12 апреля. С. 1).
91. К примеру, аспиранты ВАСХНИЛ изучали дарвинизм в курсах истории философии и диалектического материализма См. РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 770. Л. 63-64.
92. Подробнее об этом см. Gaissinovitch A. E. The Origin of Soviet Genetics and the Struggle against Lamarckism, 1922-1929 // Journal of the History of Biology. 1980. V. 13. № 1. P. 1-51.
93. В середине 30-х гг. началась институализация дарвинизма как дисциплины в СССР. Борьба за различные "дарвинистские" учреждения, такие, как кафедры "эволюционного учения" в вузах, по-видимому играла не последнюю роль в борьбе вокруг дарвинизма.
94. Борьба за контроль над дарвинизмом была очевидна на многочисленных собраниях, отмечавших всевозможные юбилеи основоположника "материалистической концепции эволюции": 50 лет со дня смерти (1932), 55 лет со дня смерти (1937), 80 лет со дня опубликования "Происхождения видов" (1939) и так далее. Все вовлеченные группы — философы, лысенковцы и генетики — использовали эти празднества для громкого объявления "незрывных связей" между их доктринами и дарвинизмом. К примеру, на специальном собрании в Академии наук в ноябре 1939 г., лидеры всех трех групп — Митин, Лысенко и Вавилов — выступали с установочными докладами.
95. Подробнее о взглядах Тимирязева на генетику и их использовании см. Gaissinovitch A. E. Contradictory Appraisal by K. A. Timiriazev of Mendelian Principles and its Subsequent Perception // History and Philosophy of the Life Sciences. 1985. N 7. P. 257-286.
96. См. Презент И. И. О лже-научных воззрениях проф. Н. К. Кольцова //

ПЗМ. 1939. №5. С. 146-153.

97. См. Выступление акад. Т. Д. Лысенко // ПЗМ. 1939. № 11. С. 148-168.
98. По иронии судьбы, а точнее по решению советского правительства, генетики не смогли участвовать в работе конгресса, а около двадцати германских генетиков приехали на конгресс.
99. К примеру, лысенковцы справедливо указывали на разрыв между генетикой и эмбриологией, между существующими концепциями наследственности и индивидуального развития. Они также были правы, отмечая чрезмерное преувеличение генетиками роли хромосом в наследственности: через 10-15 лет цитоплазматическая наследственность станет одним из центральных предметов изучения генетики. О влиянии лысенковщины на развитие исследований цитоплазматической наследственности см.: Sapp J. *Beyond the Gene*. Cambridge, 1988.
100. См. также воспоминания одной из сотрудниц Вавилова Евгении Синской, описывающие отрицательную реакцию генетиков на ее критику их взглядов с экологической точки зрения. Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Киев, 1991. С. 149-150. Я признателен Д. А. Александрову, обратившему мое внимание на этот источник.
101. См. Митин М. За передовую советскую генетическую науку // ПЗМ. 1939. № 10. С. 147-176. Эта же статья в слегка отредактированной форме появилась в "Правде" (1939. 7 декабря. С. 3).
102. Я весьма признателен В. Д. Есакову, обратившему мое внимание на этот документ.
103. РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 109. Л. 290.
104. Там же. Л. 289.
105. Там же. Л. 288.
106. Там же. Л. 285.
107. Там же. Л. 285.
108. Там же. Л. 283.
109. Там же. Л. 285.
110. Там же. Л. 283
111. Там же. Л. 289.

112. Там же. Л. 282.
113. Там же.
114. Там же. Л. 286. Можно полагать, что именно это обусловило появление в планах Института генетики специальной монографии, озаглавленной "Критический пересмотр теоретических основ генетики" см. АРАН. Ф. 2. Оп. 1/735. Д. 172. Л. 68-89.
115. Это письмо было недавно опубликовано: см. Бойко Н. Как готовилась расправа над генетикой // ВАН. 1990. № 9. С. 113-115. Оригинал письма в РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 109. Л. 296-292.
116. Там же. С. 113.
117. Митин М. За передовую советскую генетическую науку // ПЗМ. 1939. № 10. С. 175.
118. Цит. по Бойко Н. Как готовилась расправа над генетикой // ВАН. 1990. № 9. С. 115.
119. РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 109. Л. 285.
120. Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 54. Л. 48.
121. Там же.
122. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 21. Как член Президиума АН, Вышинский 19 ноября участвовал в заседании научных работников академии, посвященного обсуждению результатов дискуссии, и активно требовал от генетиков "совершенствовать метод диалектического материализма". См. Бойко Н. Как готовилась расправа над генетикой // ВАН. 1990. № 9. С. 115.
123. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 54. Л. 50. Подчеркнуто А. Андреевым. Состав Ученого совета не контролировался системой номенклатуры. Ученый совет назначался директором института и утверждался президиумом соответствующей академии. Назначив без согласования с директором новый состав Совета, Лысенко нарушил установленную бюрократическую процедуру.
124. Там же. Подчеркнуто А. Андреевым.
125. То, что мы знаем о сталинской системе, свидетельствует, что арест и осуждение Вавилова были невозможны без, по крайней мере, консультации с высшими чиновниками, ведавшими сельским хозяйством — наркомом, главой сельхозотдела ЦК и президентом

ВАСХНИЛ Лысенко—и, возможно, что позиция Вавилова на совещании повлияла на их решения.

126. Darlington C. Papers in the Bodlean Library of Oxford University. Box C. 39. File E. 71-73. Russian genetics 1936-39.
127. Там же.
128. Как это произошло после войны. См. Kremontsov N. Second Front in Soviet Genetics // Journal of the History of Biology. 1996. V. 29. P.229-250.